

александр петрушкин
ОТИДО
черновики
2011-июль 2013

ББК 64 (2Рос=2Рус)

Александр Петрушкин. ОТИДО. Черновики 2011 - 2013 - Озерная поэтическая школа - Кыштым, 2013 г. - 156 с.

ИДИОТ

вот брошен я в свою страну
наброшены собаки – стай
спастись удастся никому
в солёной горсти в горекрай
вот сброшенный смотрю на свет
куда которым я лечу
и чунями по мне вослед
идёт которому врачу
он синеглазый идиот
идёт и видит полный враг
собачий тает лай в ответ
и заполняет свет овраг
за эту дряхлую страну
ответь мой местный идиот
искусственно дыхание здесь
и снег летит поручно в рот
закладывай мои слова
сердечным средством под язык
я здесь по левому неправ
страна фартовая Кирдык
полуслепой февральских смех
переходящий по рукам
подмышкам пёстам я привык
к молениям – я по словам
замыслил от тебя побег
мой чёрно-светлый идиот =
свинцовый воздух изнутри
дыхания меня сотрёт
и будет утро день второй
или четверг повздошный час
собака дышит в вену мне
припоминая детский страх
собака дышит за щенят
вот спрошен я в свою страну
и чунями скрипит их взгляд
и идиота не помнут
щенята слизывают кровь
свою с чужих по край ногтей
и снег летит на ЖБИ

со всех ночных как март аптек
и замерзает мой язык
и пожирает идиот
мой парашют и чёрный клык
он ложит снегом в нежный рот
(2011)

ЖАЖДА

Как будто расступается вода –
напоминая нам о тёмной жажде,
надёжнейши упрятанной сюда,
в её нутро, которое бумажно

распахано и вычерпнуто в дым,
чтоб некий мальчик подымал завесу,
держа в руке надёжный свой сим-сим –
Да что вода? – он отступает к лесу,

как будто отступается река –
Бог отодвинет небо перед нами,
и будет наблюдать издалека,
как бабочка играет с синяками.

в сомнение о том, что он сюда
склоняется, на корточки садится,
живёт как мы, что жажда так сильна,
что водопой приходит с рук напиться.
(2011)

* * *

Не страшась приключиться вторично,
мы покажемся в этом лесу
хромосомном, от нас не отличном –
с чёрной дырочкой в каждом глазу.

Кто щебечет про нас, кроме этих –
неудобных на двух языках?
Чьи пернатые руки в умерших
ищут слово для нас, кукушат?

С лошадиного света наскоком
кто бежит здесь по нам босиком,
раздавая, как милость, по крохам
вслед за ним прилетающий дом?

Из-под клюва сирени мальками –
он идёт и четыре гвоздя
то ли крыльями, то ли руками
открывают у страха глаза.

(2011)

ЭФЕДРИН

о бармаглотище немого языка
подохшая как яблоня ослица
не вывезти ей по отстрел меня
и отчего как эфедрин мне снится
солёная под пятницу москва
похожая на воробья из детства
и лобзик вжик и вжик насквозь маня
а кажется что в кадре этом

местность

как бармаглотище ты мой немой язык
слепое яблоко – большее мандарина
и как мне до тебя суметь дожить
поскольку жизнь всё ж оказалась длинной
поскольку наблюдая местность нас
пасёт и эфедрина не хватает
и на глоток чужого языка
которого никто ещё не

знает

(2011)

АЭНЦЕФАЛ

Игорю Дронову

вот трамвай он увозит совсем
этих дряблых людей с багажом
улыбаясь покрашенным ртом
говорит западло не о том
говорит так и я говорю
мне привитым на свет языком
оспяным словно аэнцефал
что летает над каждым узлом
к оправданию принуждены мы
незаслуженно приняты в
отказаться нельзя но должнО
у молчанья заняться огнём
есть же город [ну скажем Иркутск]
я закутанный как бы якут
как бы чукча вот этот трамвай
башню сносит бездомный трамвай
это рай это он это он
этих дряблых людей с багажом
принимает кондуктор и Пётр
соблюдая в порядкен везёт
этот люд попритихший психоз
как весенний ави-
таминоз
и сиротками плачет внутри
вот трамвай нам под номером три
я сию тоже а-
энцефал
всех больнее бездомней и мал
(2011)

ДЗО

на двадцать третье каждый неслуживший
служака выпивает две поллитры
и елкою последнею домой
стремится по уклону – боже ж мой
такая вот россия приключилась
с тобою брат твоя сестра побрилась
и с криками и скринами аллаха
гуляет тоже ровно росомаха
вот перекоп ворона я закопан
с солдатами в районе перекопа
в районе часа третьего шестого

на двадцать третье на углах убого
разложен снег как баба плечевая
на двадцать три рубля уже хромая
россия поминает нас негромко
трещит у наркомана слева ломка
и речевая просится наружу
страны своей которой я загружен
по горлышко и по февраль засветит
пылает ёлка соблюдай омерты
закон базар чтоб было всё по фене
три раза по поллитре я бессмертен
я соблюдаю правила до гроба
россия родина слонов читай уродов
читай меня (да хоть по двадцать третье)
я сам урод я здесь служу до смерти
(2011)

МОИ ПОХОРОНЫ (песенка)

Наташе

о чем пропела песенку ты богу
очёртичо напишешь мне в подмогу
напишешь сдуру старосте письмо
в деревне всё как прежде в молоко
и свысока на нас взирают боги
остановившись в небе у дороги
стрекочущие два аэроплана
сканируют всю местность – этот сканер
остановить поможет чёртичо
но как легко ты пела как легко
шагала по букварному пологу
спуская слово как колени к богу
и обезножена летела а не шла
хранила коготками комара
сканируя за помощь этой почвы
о песенка о женщина моя
о торфяное чудо для огня
о песенка ты чёрти чо и как же
тебя когда никто уже не скажет
не пропоёт

ты будешь без меня

(2011)

* * *

Алексю Мцронову

ни мёртвый ни чужой ни-ни ни-ни
сбегающий за дозой колбасной
припоминай как привели огни
в аскезу в этот ящик безопасный

как в длинный снег продавленный трамваем
ни мёртвый ни чужой ни разговорный
приговорил идти на этот красный
из горла только выдохом скоромным

переходя здесь за неделю землю
пересыпая с каждой открытой
такое горе что Федоре страшно
такое счастье что по швам корыто

ни мёртвый а скорей сорокалетний
стоишь в своём [пока живой] Тагиле
и слышишь этот снег тупой отвёрткой
заверчивает смерть что мы забыли

(2011)

ГОЛУБЯТНЯ

Андрею Санникову

насколь прекрасна голубятня
и требуха и эта поросль
несущая нас на руках
пока живот со смертью порознь

пока прекрасно смертны мы
ухватывай снаружи тела
как эта поросль нас во тьмы
несёт заложено и спело

так рас-спешит в округе жизнь
в кружок закрытых светом скважин

пока там жарят голубей

парных как молоко и свет
все дольше из замочных скважин

пока природа голубят
накормит миром до ответа
и губы вытерев взлетят
и в скважину пройдут с рассветом

оставив голубятню нам
где смерти их до самой крыши
чтобы несли нас на руках
пока живот как смертный дышит
(2011)

* * *

Петру Улинкину

ну вот и сорок дней (читаешь: лет)
оса влетает в сад и с богом мальчик
всё говорит (считаешь много бед,
прошедших мимо? – Отсчитай иначе)
в таком заливе – русским заливать
ты всё соврёшь и перепишешь внове
и на плечо (чо сядет там? – оса?)
тату нарежешь – ощутив мир голым
ты всё соврёшь – такой посмертный дар
что вечность существует лишь однажды
тыходишь в гроб челябинский как в лифт
и морщишься от этой смерти лажи
смерть – это лажа (повтори Орфей)
так падал камень и завис в четвёртой
полёта доле и своих корней
вошедший в сад конечно же не помнит
не помнит став осой в своём саду
он видит как его несут во рту
его же дети (если я солгу
то в этом ты молчанием поможешь)
ну вот и сорок – насекомым я
налью с малиной чай на стол поставлю
чтоб сын осу в руке отца держал
и говорил что я не помню даже
договорив свою смешную смерть
оса влетает в сад и боль запомнив
раздавлено лежит в руках детей
и понимает не бывает больно

(2011)

пусть ходит бог в моих калошах
пока в аорте смерть сидит
в травинке между губ сжимая
заученный нелепый стыд

на языке холодном с нами
с миассом говорящий цвирк
под низким небом медвежачий
неповоротливый как цирк

он едет небом трёхколесным
чтобы прочесть все словари
здесь ходит бог в моих калошах
и смотрит на меня внутри

а из меня ответно пляясь
в его аорту дует смерть
и на дуде в дитё играя
не позволяет умереть

и ходит бог в моих калошах
и гладит кошек стариков
берёт их в руки понимая
медвежий цвирк несёт их в Псков

под низким небом засыпает
и засыпает небом снег
и ходит бог не узнаваем
среди калош как будто смех

(2011)

КОЛУМБ

уходит суд как мёртвый в море
ещё живущий через край
заглядывает в эти хоры
в неограниченный днями рай

уходит суд как тьма в больнице
когда случайный ангел снясь
вдруг забирает наши лица
оставив кожи их и грязь

уходит суд как мало время
стальной подковою разбив
тарелку божью на рыбе
и в шар фарфор соединив

а рыбе с тьмою одиноко
она идёт за шаром вслед
и провожает одиноким
как выстрел поплавка след в след

идёт по крику горло ищет
и отрывает лист колумб
уходит прочь и нищий
нищим навечно оставляет круг

лишь аутист или подросток
на жёрдочке своей стоит
и рыбу на свисток свой ловит
чтоб снова свет соединить

(2011)

СЕРАФИМ

Алексею Миронову

На гул по небесам сам плачет и молчит –
Безгубый, как весна, весёлый точно тиф,
весёлый будто твердь на первый день, второй
он говорит снегам: поговори со мной –

заходит в магазин и мнёт в кармане зин –
закрой скорее дверь, упоминанья, свист –
пусть платит соловей за воздуха мороз
и падает на тень, с которой жил поврозь.

Что плачется тебе? голубоокий гул –
как в горлышке стоит примятый, что испуг,
сверчок с хромой ногой и ликами пятью –
он съест твою же смерть, как некогда кутью.

Он сядет на трамвай – поехать чтоб на ВИЗ,
в горбатый Уфалей, чтобы спускаться вниз –
отверзнет два крыла, чтобы увидеть нас
и рассказать, что смерть мерещится всегда,

а будет только свет, дощатая вода –
и разорвав лицо дрожит на свет душа –
голодная до птиц, сминая разговор –
все ша и ша берёт [за голос] и –

ведёт.

(2012)

И так, легко переплывая свет
на свет – похоже, впавший в эти камни
пернатые, он переплыл Тибет
или к соседу путь – за все три ставни

он вплыл в его округу, и легко
стоял во тьмах как стол – на подоконник
приоперевшись, и держал весь свет,
что уместился в мёртвые ладони.

И так спокойно свет договорил,
что всем, кто в свете, был уже неслышен –
его пернатый [каменный] язык,
наутро обнаруженный, что вышел.

(2012)

АМБРОЗ БИРС

ау тебе закончено уа
постящийся тебе моё ура
моё тебе не слово грифель в глаз
какой ещё китаи плыл водолаз
плыл по стране за н.тагил приплыл
где выбился из имоверных сил
постичь вотще значенье языка
он онемел и с тем ушёл в бега
он знал что в этом
где-то есть москва
и новгород иные берега
он огибал поскольку Амброз Бирс
возможен где-то здесь и слышен свист
и волга говорила с ним из плеч

уа уа возможно не сберечь
но помню я что водолаз немой
как всякий наш язык
всегда изгой

(2012)

Вот ведь какие дела: чем длиннее душа –
тем укороченней голос – на грани монеты
свет заигрался – на смерть загалделся, глуша,
нас пескарей прижимая ко дну, не взямая анкеты.

Время, собрав эти речи, уйти из воды
следом за лесой, сечением света из суши.
Из глухоты в нас врожденной - как божий глядит
смертный посланник – он эту травинку обрушит.

На берегах одинокий со снастью стоит –
смотрит, как свет говорит и по небу проходит
в этой росинке – и теплой полынью испыт
в каждом прозрачном и самом прекрасном уроде.

Шевелит губой, как кобыла домой приходя,
тычется в руки хозяйские с рыбной заначкою кислой,
смотрит сквозь воздух и видит, как смерть (не моя-не моя),
между рукою и Богом затихнув, на время подвисла.

(2012)

ЭНТОМОЛОГИЯ

Д.М.

Расчёсывая губы до крови,
пустив царапины [как бабочек по свету
латать тот свет слюной] здесь – оборви
и Сь слетит и крови узкой нету.

Да, эта бабочка сегодня хороша –
лежит под золотистой молчанья
[почти нирваной] коркой у соска,
у тёмного чукотского камлання.

Расчёсывая губы, как обман, как кокон
страха распылив отчизну, могилы
[улыбаясь мило нам] кивают жизнью
из своей чернильной

[расчёсанной сверчками до земли]
светящейся воды – пока открытой,
как молоко у матери в груди
кровоточит из ДНК на тритий.

Расчёсывая слюни по слогам
(здесь было что сказать – хотя и мало,
что вероятно, Бог - не быстр, а я –
хотя бы смертен [с самого начала].

Расчесывая воздух до себя,
дощатый бог лежит, опилом дышит
сосновым – воли нет не у меня, а у него
[что ж, не расслышит,

он это, перейдя на ультразвук и сленг] –
латает бабочка его тугие уши
и переходит из хитина в снег
[и здесь перестаёт он вовсе слушать].

У бабочки с судьбой глубинных рыб,
прижатой белой атмосферой к року:
в нутре кровоточивом бог дрожит,
пытает медленно, чтоб выбрала дорогу.
(2012)

ЛЕТАЩИЙ ПЁС. СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ СТАРШЕЙ ДОЧЕРИ

Проговориться с этим [на огне
сидящим] псом – заморенным, ленивым,
скрипящим словом: а) откроешь дверь
б) утром просыпаешься не с дивой,
не с девой в) лопочешь на своей
пифагорейской олбани в оправе
ц) слушаешь, как сторож долбит в смерть
стеклянную железкой д) он вправе
сегодня проживать её со мной –
е) сомневаться в ней, как в речи. Слушай
всегдашний [захромавший в цифре] год.
Проговорился всё ж, урод? – задушит
тебя/меня язык родной страны –
порхай среди цветов, обозначений, званий,
летающий пёс – глазами со стороны,
как стороны текут из тёмных зданий,

как немота уходит через руки,
как суки, здесь выстраивая ад
логарифмический [как хромосомы жуткий]
царапают глаза, сто лет наград
не требуя, как зацветут жасмины
[в соцветии у каждого спит пёс –
две головы которого в режиме
портвейного Харона]. Как вопрос –
так в нас щенок со стороны Аида
заглядывает, и его слюну
со лба стираешь ластиком дебильным.
Обняв его огромную страну,
проговоривши мёртвым языком –
я тридцать два часа сидел в конверте
[в последней номерной Караганде]
и наблюдал, как пёс рисует петли,
царапает над огородом смерть,
что проросла за стрёмное наречье,
как дочь моя шестнадцать лет назад,
чтоб всё простить однажды, изувечив.

Чтоб всё понять, однажды не простив,
резиновые реки поднебесной
плывут сквозь пса, раскрыв больные рты
от этой ереси (не потому что честной –
а потому что спит ещё Харон
и потому что стук пифагорейский
несёт на ржавой палочке Орфей
и учит пса портвейном здесь [в Копейске]

стучаться в тьму то лапой, то крылами
на сто семнадцать метров в высоту,
и всё испытать холодными глазами
и выблевать однажды в пустоту,
и выблевать свой шерстяной, как кокон
открывшийся, как неродную речь,
пифагорейский, сказанный, смолчавший
и полететь от дочери за дверь).
За Пушкина [уральского кретина],
за всё молчание меж дочерью и мной
простив меня, скрипит в щенке дрезина
и гонит под урановой дугой.

(2012)

БЕРЕМЕННОСТЬ

Идёт подряд на свет вода
[безногая] другим путём,
не протерев свои глаза
[что несущественно] – что днём

себя ощупывает, как
наутро женщина края
свои исследует, рукой
течение судьбы двоя,

когда сияющий плавник,
толкается в мамашин сон,
где бьёт [вольфрамовый родник
почти что током] в мягкий схрон.

Где сдуру в дуру бог идёт,
он собирается семью
собрать из запчастей воды
между пятью и восемью,

с утра ползёт к воде на дух
двоичный, будто бы Лилит
и Ева [мало ли там кто] –
его в себе проговорит

под роговицей у пупка
он вяжет свитер для неё –
ещё без тени и лобка
[который – знаешь ли? – враньё],

и видит мир, как тот бомжарь,
что светом согнут или свит
сегодня [и в последний раз],
а послезавтра догорит.

И сын - на выгнутой вовнутрь
[пока срифмован в малафью]
исследует источник, а –
быть может даже мать свою.

Она с утра ещё гола,
и ощущает, как её
отметил угол [то есть мрак
за муравьями в дочь ушёл],

Пока вода - ещё вода,
а не вина за чей-то стыд,
четырелицый свысока
в живот клюётся и молчит.

Бездоказательно её
существование в этом Че –
пока нутро не выжжет сын
как свет на жестяной воде,

на жестяной воде её
где он и мать в постели спят
[на свет, конечно, без пупков]
и входят в душ, как в чей-то ад.

(2012)

Сергею Ивкину

Пока сдаёшься ты, «пока-пока»
произноси в одежде праотцовой,
пропитанной бензином и водой,
что тоже нефть в ошкурённом Свердловске.
Пока сдаёшься ты, находишь их,
своих двоих и будущих, младенцев,
хватает Интернетом их язык
но вряд ли понимаешь – как чеченцев.
Пока сдаёшь наверх алаверды
свои водой замотанные ноги –
ни много и ни мало – все порты
забиты битами излишними. Уроки
иди учи, пока длинней пока,
чем голос электрички удалённой,
вдыхай жлобьё вокруг, и темнота
их скроет в этой массе оживленной,
где каждый как Георгий Иванов
ждёт растворенья в мудаках и стервах.
Вот ты идёшь, вот ты идёшь втроём,
но богу это всё не интересно

пока сдаёшься ты, когда пока
изнашиваешь в тёплую одежду,
и ангел нам дыхание в бока
вещает с Мира номер под надежду
[читай – целует в губы гопоту].
На то дана нам речь, чтоб мы сдавались,
чтоб пили нефть и спирт, за в пустоту
забитый гвоздь своей любви держались –
пока стоит твой [гладкий, как Е-бург]
цыганский праотец, что неизвестен в общем,
совсем неузнаваем в черноте
сочащейся из дерновой и общей
гостиницы - казённой, костяной,
плывущей вдоль Исети мутной. Проще
казалось бы молчать – за божешмой

получишь номерной Челябинск в почки,
получишь мудаков или стервоз,
получишь замороженные ноги –
Мересьев-Жора-нафиг-Иванов
от роз своих перебирает логин,

пароли набирает на виске,
накручивает мясо нам на кости –
зачем он, как отец, стоит везде?
за что у нас прощения он просит?
Забитый как оболтус в пустоту,
он говорит в ошкуренном Свердловске
про ангелов, вмещённых в гопоту,
про Мира (два? – не вспомню – сорок восемь?)
якшается со всякой татарвой,
оторвою и головой на блюде –
пока сдаёмся мы внаём, пока
целует гопота [живых] нас в губы –
твой пращур ненавидимый, в тебе
в квадрате умножаясь, входит в штопор
и мясо ангелов висит на потолке,
стихи читает, ничего не просит.

(2012)

ВЕРСИЯ-DOS

Наколошматив к сорока
невероятное «я умер»,
чтоб с окончания языка,
как насекомое и doomer

звнящий, бог летел на свет
на колесе всеобозренья,
на колесе среди синиц –
вообразив воображенье,

где – неухоженный в нас мир –
выходит насмерть на дыханье,
выходит, потому что нет
ему весомей наказанья,

чем называть любой предмет
и наделять кошмаром вещи.
Ужасно имя тех детей,
в которых колесо щебечет,

которым слово положил
крылатый подлою рукою,
как рыбий жир или стрекоз
в нутро гонcharное – с такою

начинкой по земле пустил
меж жерновов немых и страшных –
и я им был одним из них –
расколошмаченных, коллажных –

из тех, кто ждал, что к сорока
невероятное «я умер»
сорвётся. Нет, не с языка,
с отсутствия его – на губы

того, кого мы говорить
учили – потому что молча
привык он здешних обходить –
как прокажённый и чуть дольше

он наклоняется к земле
и колыбели этой гулкой,
чем длится кадр, в котором смерть
нам кажется почти что шуткой,

в которой кажется нам смерть,
которой не бывает вовсе,
луна печёт, как блин, рассвет
[как бы винду увидев в ДОСе].

И расширяет стрекоза
свой сегментарный взгляд в три ада
бинарных, и пока звезда
горит, как мельница – в Анадырь

пора бы съехать, чтобы там –
не умирая с проводницей –
к своей же жизни привыкать,
носить её в холодном ситце,

как сирот переносит бог
в нагрудном закладном кармане –
через дорогу, через борт.
Через конец своей программы

пора убраться в Анадырь,
где женственный Харон на время
[свернув, как шею, миру мир]
переборматывает время.

(2012)

В ГОРОДЕ К.

солгут ли бабочки? Вспотев, ползет в уши
и в ноздри осень. Баки искривив,
завёдшегося пса осиною глушат
всекомпрадорский сад и мужики.

и в К. не надо октября и Бога
и слово «бля», как молоко, звучит
от псиного предела и порога,
где мелочь бубенцом в штанах звенит.

солгут ли бабочки, что скоро будут божьи
[читай негожи эти] времена?
а осень сбудется – по уложенью всё же,
от брови к веку положив меня,

скрипят качели здесь в двуногом саде.
Как скважины хрипя в густой земле, где
сборный пёс гуляет по свободе
[всё чаще в заблудившейся воде] –

и в К. на камне, у колонки справа,
сидят вдвоём и сад, и мужики –
взасос целуют бабочек, портвейны,
осиные, как выдох, пузырьки.

АСТМА

Колючего дыханья ёж
[в землянке, взорванной в лицо
смотрящейся в себя воды,
как астма – свёрнутой в кольцо]

как выдох, съёжившись в ключе,
скрипит в уключине как пар,
чтоб звездочка, сгорев в плече
не принимала, что мир мал,

что есть блажной Катеринбург –
и чёрту оспа, что Исеть
прожжёт словарный перелом
[шамань, Кыштымец, всё есть смерть.

и лыбится по кромке нож,
дрожащий на хромом столе –
как ночью мир не перейдёшь –
всё ж мир проклюнется правей],

как речь, наклюкавшись с утра,
почти послушною рукой
сдирает холодный пот со лба,
чтоб спал подольше он с другой,

чтоб с невозможностью дышать –
как кислород всосав свинец –
не до конца, но умирал,
как всякий призванный гонец.

Исколотый дыханьем ёж
в воронку смотрится воды
с той стороны, у капли рта
почти, как вдох, сухой орды.

(2012)

ТВАРЬ ИЗ ПОСЕЛКА РОЗА

И всякой твари выпадает дважды свет
в проваленном до ада, будто Роза,
поселке – за Челябинском в кювет
свалился ангел-бомжарёк. Вот поза,
вот понимание, вот с Розенталя вид,
чтоб всякой твари с небом всё возможно –
договорился и теперь лежит
среди травы и ждёт, как передоза,
что полетит насквозь его, на свет,
вся местная братва из насекомых
в провал и яму, под которой нет
последней твари и её знакомых.

Вот он лежит и чувствует – лицо
его облапал чёрный энтомолог –
читай: шахтёр (считай с твоим творцом
теперь их трое). Дело к эпилогу

здесь не пришить – так дёшево крыло,
что он лежит – во рту дрожит травинка,
а по травинке богомол ползёт
до самой Розы – и совсем не зыко

он приползёт на станцию свою
лет девятнадцать для того растратив
пока же ангел-бомжарёк лежит
здесь где-то слева и не пидорасит

он перед богом, он, открывши рот,
жуёт язык свой синий глуховатый –
и понимает: людный горизонт его ловил,
но более не схватит,

не схавает, не выпьет, преломив
на два зрачка поломанное время –
идохнет тварь и обретает вид
в кювете – мяса, в воздухе – прозренья.

(2012)

Сквозь потный снег, сквозь ожиданье, сдирая корочку бобо,
идут двенадцать [непохожих на время наше] поясов,
как часовые и якуты, насторожились, вой взвели –
гори, гори, не угасая на темноте бумаги, шрифт!

Сквозь плотный снег [в воде солёной] дрожит, как голый, самогон –
идёшь по Репина и плотность теряешь, прикусив озон,
и видишь: с острова на встречу идут двенадцать часовых,
по краю движущейся речи, как пёс вцепившейся в кадык.

Они идут по твёрдым водам несовершенной немоты,
идут на свет, скрипят, как свечи, их [в шарф заверченные] рты,
и Бог [разобранный в стаканы], в пластмассе льдистой шевелясь,
горит, в часах не разбираясь, и дышит в трещины, как язык.

(2012)

НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ПОХОДА

Поэмка без героя

-1-

Вот, и придурочная скрипка,
в своём гранённом животе
вспенившись, булькает и гибко
плывёт по жестяной воде.

За ней из тьмы, крысиным хором
и брассом, брешут мертвяки,
бредут [незрячие по пояс]
по горлу каменной реки,

как Ленин с лампочкою ватной,
зажатой в восковой руке –
с блатной походкой и [булатной
почти-что] финкой в рюкзаке.

Идут и бабы, и мужчины,
с дитями, вшитыми им в грудь,
с сосками рыжими земными,
что отдышаться не дают.

Своею собственной кончиной,
где растворяется воде,
ребёнком радуется скрипка
с дарёным лаком в рукаве,

с дарёной стаей за спиною,
похожей на густой плавник,
с тобой, читатель, и со мною,
младенцем [в бабе среди их],

в поход великий и богатый,
плывущих между берегов,
трещит придурочная скрипка,
по шагу сбрасывая кровь.

Я сочинил (поскольку я подонок)
вот эту речь подводную о скрипе
токующих, похожих на подлодку
и на массовку в густолистном клипе,
я сочинил, что видел, как созвездья
в руке у шулера меж лошадей летают,
что видел, как без имени предметы
у бабы меж сосков горящих тают,
что мертвяки, бредущие по стуже,
кидают медяки живым наружу,
что мелочь растворяется, как скрипка
и смотрит бог и видит: обнаружен.
Я сочинил начало для похода:
среди иссушенной вагины Москвабада
придурочная скрипка, как свобода,
не вспомнит, что в начале наиграла.
Я всё солгал, поскольку здесь, в палате,
конечно, осень брешет, как щеночек,
забитый в ящик глухоты гвоздями,
и входит медсестра, поскольку хочет.
И сплюнув речи здесь на перегоне,
я с проводницею усатою остался,
стоял у нездоровых в изголовье,
поддерживал свинцовый (и ругался),
и грязный воздух, мокрою рукою
ей залезал под юбку, и ребячий
оттуда голос доставал, а скрипка
плыла в земле, чтобы переиначить
поход великий до подземной печи,
дымящейся у женщины в животной
снелурочке клубящейся, парящей,
и ни к чему пока что непригодной.
Поскольку я подонок - умолкая
я вижу, что походы собирают
народа тьмы из тьмы и тьмы и в тьмы
из скрипки вылетая, выживая.

Пока я умолкал, летела стружка,
летели в стружке мужики, передавала
по-бабски слухи, треснутая кружка,
касааясь ртом отверстого овала.

В своих кульбитах сны пережигая
до копоти и дёгтя, в серых мордах,
как жжёный сахар смерть пережидая,
горела скрипка, становясь нетвёрдой.

Пока я умолкал с недетской оспой
крапленой речью щебет начинала
мужицкая невыспанная свора,
сидящая грачиной у вокзала.

Как цирковая публика и гогот
бакланов, уходящий в три пятнадцать –
вагон, гудел, переходя в семь сорок
и с дождевой водою обжимался.

Пока я умолкал, слепая кружка,
наполненная светом вполовину,
как [с венами проколотыми] чушка
успела выпить ангелов до льдины.

В толпы граненом животе, походный
обоз летал, как стрекоза над жиром
земным, и плыл – как смерть и свет – безродным
над тем и этим половинным миром.

Летающий не видит, как угли
у бабы в животе бумажном маясь,
как бубенцы смеются вне игры,
со звука и на звук переминаясь,

как начинается в бумажном животе
другой живот, назначенный обозу
как птицы пролетают на рассвет,
и слава бо, и славу эту – с возу.

Латающий в царапинах живот
[с той стороны] к обозу прислонился
и слышит: скрипка начинает вой
и он с живой водой почти сцепился.

Он поднимает потные края,
проводником расплющенного, тела
её, с цепи срываясь, говоря
безустным голодом с ранетом переспелым,

с кузнечиком, который свой хитин
оставил, чтобы перепрыгнуть смертных,
орду [здесь – фотография: один
из них отец и подпись,
что кто точно – неизвестно]

И баба едет, глядя на угли,
которые раздвинутые ноги
зажгли и поперёк, и вдоль земли,
тревожной, как все ангелы, дороги.

День устный голод на плече свистит,
в замочной скважине свирепый зверь зияет,
[на голубиной жареный любви]
горласто и невидимо болтает.
Ведёт к нам неуместный разговор,
слепого [взяв за руку] в лес уводит,
как скрипку или головной убор,
свирепый зверь, свистящий чин надвое.
Вот устный, жжёный, головной кульбит:
размешанный в том, что уже не чаёт –
как скрипка сумасшедшая – глядит
в мою ладонь и запивает чаем -

звонящий зверь, подобный стыдобе,
подрубленный из нищей древесины,
поглядывает в скважину на смерть
и видит только: смерть его не видит.
Вот устный, как прощение, игрок
съедает называемые вещи,
как время, отслужившее свой срок,
печением несказанное лечит,
и всех сажает в головной обоз
гурьбой, мордвой, невыспанною стаей
взимая виру: скважину с водой,
которая идёт [по нам, о нас уже не зная].

Он перелистывал морщины
на 5/7 [пока] знакомой
халявной женщины [мужчины
их обступали беспокойно]...

Облизывая тощий палец,
грач на плече пережимался,
пережимали перья горло,
и календарный свет кончался,

качались дети и деревья
[и в них беззубые старухи
качались в чаще равномерней
и переламывали звуки

и перемалывали дёсны
или кораблики из ивы]
и перемаливали время,
и отползали некрасивы

пернатые [почти] мужчины,
зализывая тощий палец
у скрипки под крылом грачиным.
Царапнутый [в кровь] одеяльцем,

он перелистывал морщины
на 6/7 [ещё] знакомой
и дальней женщины [мужчины
жгли спички с краю перегона

и разгрызали тару молча,
у чаши днище выгрызая],
и [в свет укатанное] тело
горело изнутри сарая

[молчали дети и деревья]
одни морщины подавали
ненужный вовсе этот голос
из веток в ветки. На вокзале

он перелистывал морщины
[на 7/7 и незнакомой,
и уходящей вдаль] причины
посмертной близости бездомной

вот с этой проводницей, с этой
[с другого рая подожженной?]
везущей с краешку у скрипки,
покусанной тоской недолгой.

-7-

Хрипящий волку под кустом,
уснувший в воздухе [в ракушку]
грач, отсвиставший ярытам,
хранит, как снедь, свою избушку.

[Поющий] как бы в небо [сам]
он утрамбовывал отчаянье
[до галечки на берегу]
речь стоит своего молчанья.

И, поворачивая ключ
в костлявом горле древесины,
идёт по-своему к врачу
[как отражение из льдины]

заснувший в воздухе грачом.
Чтоб одолелось расстояние –
ещё один метельный жнец,
обеспокойный оченькрайне,

он держит под крылом билет,
с ответом стырив водку с перцем,
клюёт и пробивает дым,
своё спелёнутое тельце,

он засвиставший ярытам
горит почти как стыд – так долго,
что умирает [как бы сам]
грач, просыпающийся волком.

(2012)

10 ВАРИАНТОВ ПИСЬМА КАТЕ СИМОНОВОЙ

1 ВАРИАНТ

вот уже, катя, пошёл лесом, пятый – считай: не срок –
ёбанный стыд – оказалось: совсем не пророк –
оказалось: что стыд [не виден] писать стихи
больше ни слова, Катя, и ни с какой строки

вот уже, катя, ни слов, ни концов, ни хрена
выйдешь в тагильский воздух – читай: полна
как снigiри отглагольная в дур страна
был бы туренко да вышел –
теперь слюна

вот уже сложен в три четверти мой анекдот
поговоришь – погоришь как мутант и урод
всё что останется в памяти женское ИТК
лишь стрекоза умеет сказать пока

правильно – видишь как птица с женским лицом
клюёт мал-помалу тень
всё что сгорает до речи
моя мигрень
вот уже, катя, в пизду вылетает вдох
[идёт в киоск за слюнявчиком бывший пророк]

2 ВАРИАНТ

есть вариант письма что утерян шифр
[шрифт monotype corsiv или бетина скрипт]

то что доступно в пепле – кровь и вода
и говоришь, как лапоть – чтоб не сказать лепота

есть варианты молчания – например
проговориться чтоб умолчать вдвойне

птицы летают юзом чтоб избежать судьбы
в общем любое письмо – разбивает лбы

и изо лба вылезает страшенький человек
гладь же по шерсти его как недолгий век

можно растить свой сад что сгорит как транс
что пиздоболить будто болит как недобрый Хармс

вот и еще один вариант: говори, говори
горловым пальчиком перебирай шрифты

спрячем письмо, завернём в немоту, как свет –
только лишь тень понимает, что собеседника нет.

3 ВАРИАНТ

только форель выгорает до февраля
все ли элегии успели покой раскатать

жарит и жарит бабулька рыбный пирог
наступает февраль особенный для недотрог

вот [веришь?] не помню есть ли в Тагилах трамвай
жарит бабульку рыбный пирог – давай

договоримся что ездит такой кривой
по вашей вокзальной каменной и мостовой

только февраль догорает как будто форель
бабулька с поджаренной корочкой поскорей

пытается выйти [в смысле залезть под смерть]
одноного и скучно наверное там [ну почти как здесь]

что-то лепечет старуха своей жеребьячьей губой
жарит и шарит в рыбёшке над головой

и как форель понимает что нет ни добра и зла
от пирога остаётся укроп и зола

только стоим с двух сторон уральских и до седин
чуем что время в трамвае трещит словно рыбный дым

жарит и жарит бабулька рыбный пирог
радостная [как трамвай] что вышел дух и неплох

4 ВАРИАНТ

разве что только больнейший придурок писать
помнит ещё ручную способность и можно заплакать
слёзы собрать как росы и надо жить
если случилось ждать – благодать и жалко

больного меня и тебя – под которой тьмы
как аниме сбываются и жасмины
все состоят [и стоят] из воды [среди воды]
спросишь у Лены, но и она не ответит

разве что только больная [сиречь своя]
ластится как грудная простая малость –
мы остаёмся одни в середине себя
чувствуя что и Урала уже не осталось

разве что так придурошна наша речь
что непонятно кому зацветают жасмины
спросишь у Лены или других Елен
тронутой речью [той что другие забыли]

только вода [спросоня свернувшись в кровь]
не разберётся в гомерах-гомершах местных
и наслепую плачет по нам втройне
[что и больным и придурошным чем-то лестно]

5 ВАРИАНТ

Войным-война здесь, Катя, непогода
по воздуху вползает запах йода
по тростнику китайскому - порода
решает всё за нас, как за удода
(о!) этот запах кухонный, пернатый,
что отстаёт от до-стихов – как даты
скажи ещё кому-то: «запах йода...» -
и морщится [в нутро своё] природа.

О, этот воздух (йэ!) катеринбургский:
волной идут кретины на этрусков –
во их главе Улисс [почти] маячит –
он наблатыканный ХИММАШ переиначит.
Здесь, на резиновых деревьях, спят наречья –
как дым до дыр самим себе перечая,
И запах спирта въёт в песочницах гнездо,
растягивая жизнь до самой ДО.

Храни, мой дым [почти что папиросный],
царапины [а вовсе не вопросы]
в коленках, сорванных когда войным-война
была ещё весома и больна –

о, белый запах меж пустопорожних –
нас обучил быть-лить неосторожный
[всё больше в горло] [больше горлом] йод
из чернозёма как трава рот в рот

6 ВАРИАНТ

да хули жопу рвать, брат Боратынский,
от муравьиной кислоты поэтов
в России тускло в Ницце как-то лживо
ну разве только почитать Цветкова

дать по еблу и пёхом в небо пёхом
по этому всеместному Тагилу –
как там его ... а! вот ... не надо Бога,
с которым мы посмертно как-то жили

да хули – смерть в районе в(л)агзавода
Сиреневое нёбо отпускает
на все [четыре всадника у входа
железного тоскуют вместе с нами]

не вспоминай ни Питер ни Кыштымы
под почвою шевелятся как Гоголь
живые тени гопоты – все живы
дать по еблу стихам и пёхом-пёхом

7 ВАРИАНТ

Не понимаю нашей поздней речи,
чирика-чика в мехе рукавов,
трещащего иглой в нервном смехе,
как тик, забывших нас учеников.

Так пусто в доме, что гудит конфорка,
как стая, растревоженных тьмой, пчёл
прищурится, приняв обличье волка
и мех словесный, словно кофта жолт.

Не понимая всякой связной речи –
склоняется к нам и целует в лоб
холодный ангел и из голенища
лёд чаячный за шиворот кладёт.

Так пусто в этом доме, что за светом
пора вещам звериным говорить
и собираются вокруг не(много) незнакомых,
Чтоб на троих мою же смерть распить,

и разминают меж ладоней птицу,
трещащую на нитке из любви
и пишем мы, себя не понимая, литера-
дуру разделив на три.

8 ВАРИАНТ

Небо над плодами тяжелеет,
наливается снегами и людьми.
Ничего ему, пойми, не надо
ни печали нашей, ни любви,

ни тоски по зябнущей культуре,
ни Улисса Джойсу поперёк –
вот снегирь сосок заката клюнет,
наберёт дыханья полный рот,

окунётся с головой в сугробы
после чёрной бани – из лобка
небо над плодами тяжело зреет,
катится по краю коробка

спичечной земли, покрытой серой,
зажигающей всем птенчикам хвосты,
и дымок, как память черно-серый,
согревает снег со всей земли.

Небо, уроняющее семя,
поднимает руки до плодов,
отпускает в снег с людьми, на время
зарываясь в них, как в грядки, крот.

9 ВАРИАНТ

Сидит обманкой в поплавке
кузнечик нашей бытовухи –
поклёвка ходит налегке
и лижет спирту руки,

и рыбы светят из-под вод
мохнатым светом глаза,
везут стихи во мгле подвод
живых три водолаза,

сидят в прозрачной немоте
в каком-нибудь Тагиле,
ладонью водят по воде
в неслышимом здесь стиле

в услышимом и там и здесь
кузнечике пропащем.
Сидит обманкой в поплавке,
что умирать не страшно,

что если бог какой-то есть –
то снег к Тагилу жмётся
(от холода его слепой)
в собачьи стаи бьётся.

Там – говорящий поплавок
меня обманкой лечит:
чем ближе смерть – плотнее бог,
чем наст - прозрачной речи

10 ВАРИАНТ

Скрипящая пружина слепоты
вытягивает светом из нутра
животного февральской густоты
замеса воздух – будто здесь гора
все семечки подсолнечные жмёт
в ладони додекретной темноты
у масляного временного рта –
открытые для неба так пусты.

Я выучил уральский разговор
татарских веток, бьющихся в окно,
скрипит пружина воздуха внутри
озона. Начинается озноб –
так начинает смерть с тобою жить,
и разливает по бутылкам свет,
и кормит жизнь свою по выдоху с руки,
и зашивает снег сугробам в лоб.

Иди же, мальчик, звуком поищи
невнятный выход ангелу отсель –
на лисьей горке плавают лещи,
сверяя скрип дочеловечьих тел.
иди же, мальчик, гендером иди,
свистящим переносом словаря
почти что птичьего, его почав, почти
внутри гнездовья своего горя,
по воздуху за богом приходи,
и жуй косноязычие его –
кому понятны ангелы твои,
в февральском масле вяленые врозь?
кому понятно, что мы говорим –
разбитые на биографий лёд?
Свет переполнил сумерки свои,
чтоб боже правый смог усечь наш рот.

ПОСТКРИПТУМ 11 ВАРИАНТА ПИСЬМА

василь иваныч и чапаев
плывёт по каменной реке
стрекочет как кузнечик в юбке
рябой Максимка вдалеке

над белозубыми камнями
что вспомнишь: катя – и не спит
василь иваныч в птичьей пасти
как не умеет говорит
(2013, январь – 6 февраль)

ДЕРЕВЯННЫЙ ВЕРТОЛЁТ

взаимно тихо говорит
из досок сбитая зима:
ты не умрёшь с тоски [с тоски
не сходят] не взойдя с ума
и всходы у дурных времён
как входы в торфяные мгли
открыты пальцами собак
пещерных – до земли голы

и деревянный вертолёт
бормочет дым из глубины
горит по тихому как лёд
из нефтяного дна воды
но не взаимны голоса
из досок сбитая зима
выгуливает смерть свою
и лает будто снег в санях

ей деревянный вертолёт
летающий от зимы на свет
потрескавшимся языком
кровавый слизывает след
с лопаты лижет свой язык
как пёс дурея от крови
до крови [разодрав живот
земной у жестяной воды]
(2013)

СОБАЧЬЯ ГОЛОВА

волен Гулливер в собаке
что собака в Гулливере
в суете и вере едут
в некоем прощальном сквере

а обратно едут люди
как растения обвиты
мрамором и снежной крошкой
поигрушечно убиты

сшиты Гулливер с собакой
и собака с головою
тень проходит между ножниц
сизым веком на куски

камень ножницы водице
шьют и гроб и рукавицы
набирают в тень собаки
гулливеровой тоски

(2013)

5 ВАРИАНТОВ ПИСЬМА ДАНИЛЕ ДАВЫДОВУ

1 ВАРИАНТ

Без боли головной,
без мёртвых комиссаров
стоит звезда в глазах
у площади вокзалов,

распивших на троих
распиленных прохожих:
[один наверняка
был на тебя похожим],

второй держал портвейн
под вялой желтой кожей
[переносил октябрь
на несколько попозже],

без боли головной
был третий с голодухи
и всё гудел в Казань.
Прикусывая руки,

косноязык мороз
[и варится в испуге
воробушек, во тьмах
какой-нибудь Калуги

он затолкает в рот
приезжим комиссарам
прыщавый – как народ –
словарь покрытый салом,

он выпьет тёплый жир
на площади вокзалов].
Уже почти не жив
[подумать – так не мало!]

садишь в вагон-вокзал,
в базар в Челябину чурный,
и слушай, как таджик
перевирает чудный,

нам данный, чтобы врать
и русский привокзальный –
без мертвяков аглицких
и боли комиссарной.

2 ВАРИАНТ

Такая осень на Меридиане
в крошечном Че за ангела сидит
в сугробе [с пьяной рожей и часами],
с химическим заводом говорит,

внутри себя имея дуру речи,
внутри которой чешет колобок,
читающий Платона – тает-тает,
таит алкоголизм, зашитый в бок,

сверчит [покрытый кожей и хитином]
меридиана ангел и подлец,
чтоб жизнь тебе не показалась длинной
и приключилась всё же под конец.

О, людоед [под тканью голубиной]
с пластмассовым стаканчиком в глоток,
и ножичком в ладонях перочинных,
порежется лишайником на чпок.

Такая осень на меридиане –
что нечего и незачем писать.
В сугробе пьяном – с рожей и часами –
о бабе думать – с филогией спать

с химическим ожогом в селезёнке.
С крошечной тьмою переезжий Че,
храня с Урала бабу под пилоткой,
следит, как едешь ты вообще, вообще.

3 ВАРИАНТ

В одиннадцать часов утра
темно на этом свете,
что означает, что на том
москва – в поту и смерти,
с таджикской немощью во рту,
с водой мордовской в коже,
и как бы ей уральский стыд
в отместку осторожен.

В одиннадцать часов косых,
летающих вертикально,
к которым ты почти привык,
с линейкой пятибалльной
к тебе подходит вялый бог,
и гипсовой рукою
подписывает эпилог.
Свободою такую

пока спускаемся в Аид
и пишем – прицепные,
и непохожие стихи едят
Урал с Москвою –
пока в одиннадцать утра
темно от разговора,
гуляет слева от утрат
ментяра стоголовый.

Гуляет стыд и режет срам
свои, как масло, ноги
почти прозрачным существам,
стоящим на пороге,
когда в одиннадцать утра
светло, и гул проносит
нелепых, как птенцов, в губах
и воды дворник косит.

4 ВАРИАНТ

Февраль синицу подметает,
и в форточку её глядит,
и ничего не понимает –
хотя на воздухе горчит.
И Иванов, нелепый Коля,
обросший перьями в анфас,
читает Одена для Оли,
и немец хлещет «was ist das».

Повсюду Квантум и Перфектум,
школяр немного перевода,
февраль, блуждающий вдоль стенки,
как поиск повода и входа
для сущих пустяков синичьих,
чьи коготки на глине стёрты
повсюду ласковость купчины
и дым упоротый, как чёрт, и

стоящий посредине мессы,
которой лишь язык наш стоит,
февраль синицу вынимает
на словаре, который воет,
февраль заглядывая в это
синичье отраженье снега
пытается впихнуть ей в горло
за всё [особенно за лето].

И я смотрю на огород свой,
в котором птица оживает –
в окошко метеор летит
чтобы прибиться к местных стае.

5 ВАРИАНТ

Всё начинается глупостью, чтобы остыть:
дым и черешня, кажимый проколотый стыд –
Шарик, летящий навыворот себя, напролёт
ночи повдольно, земле же всегда поперёк
как стрекоза, и прозрачные с неба [глядят]
ангелы тырят игрушки [из сора] махорку смолят.

Вот деревянный, как хвост вертолѐта, спит Бог,
чинит во сне сапоги, и заборы тачает в берѐзовый сок.
Шарик царапает волка, и Шарик жужжит,
падает в горло, чтоб косточку там размозжить –
так скувыркнутся светила и встанет дыра
посередине у слова, грозя и гремя

пачкою банок, приклеенной богу во рту,
едет во фраке из дыр в этот сырный Тарту,
голубоглазый, будто открытка в конце декабря,
шарик-дружок, алфавит, будто дым, проредя.
Пашет мужик, будто пчѣлы попали в косу –
носит Ж ангел в отверстии лобном осу.

Все начинается, мается милой хуйнёй –
иже уральской [из камня сочимой] слюной
чинишь инструкцию по размозжению дыр
в валенке ангела смысла – прекрасен наш пир!
Смотришь: сентябрь стоит посередине щенка,
светится будто Рентген, все слова отмоля.

* * *

Фёдору Увицкому

И вот, придумав, что любим
на свете тот, что богнебог –
горит на кровавом огне
трамвай печальный без стихов:

без рельсов заезжает он
в дома, где нет ни этажей,
ни жителей, и бьётся кровь
стеклянных голубых стрижей.

Светлеет в крове – богнебог
претерпевает, что простим,
и ощущает здесь подлог –
когда не рай, а всё же лимб,

когда трамвай порожний спит,
прильнувши краешку окна,
когда с той стороны земли
ушедший смотрит на меня,

с той стороны реки, с воды
сдувая свежей почвы вдох –
приходит дно, приходит сын
и срамно богу, что – не бог.

(05/03/2013)

* * *

Евгении Извариной

На птичьем рынке - торфяной язык –
читавший арамейски – понимает:
поди налево, если не убит,
поди направо – видишь: там светлеет.

На каждый полумёртвый светофор,
на всякий крестоцветный – без базара,
как птица в клетке, по карманам вор:
он кормится – прости – ему так надо.

Исполнив эту глиняную печь
и перечни свои опустошивши –
поищешь свет, а он – ни там, ни здесь,
как зёма, из-под почвы тихо свищет.
(23/03/2013)

Сминая бумажную воду,
Не дышит свинцовый карась
Идёт с той [почти по богу]
по воздуху вверх накренься

он жабры свои не шнурует,
шифрует под речь чёрный ил
и если дорвётся до суши
то верно поймёт, что он был,

сминая, царапая оду,
глазая в чудовищный страх,
что с точностью неба не спорят
в бумажных и рваных потьмах.
(23/03/2013)

В РОДДОМЕ

не бывает воды крепче
чем в начале от родясь
щиплет как цепной клевещет
головой резною в грязь

головою голой в воды
ничего не износить
разведя как купоросный
свет на две слепых руки

и ослепший он не может
не умеет дна просить
свет себя на темя крошит
как в заливы рыбаки

(24/03/2013)

* * *

Не раньше, чем начнётся смерть,
жующая свой хлеб беззубый,

не раньше, чем меня и впредь
не встретит мент, и не разбудит,
не вложит камень мне в глаза,
а в губы – гул пчелиный долгий,
я буду слышать голоса
тех, отъезжающих на лодке,
тех, уезжающих вперед,
сбросавших вещи в саквояжи
поспешно в свалку, как щенков,
так словно не успеть им страшно
на этот длинный пароход
и не имеющий причала,
где б чайка, проверяя рот
б/у-шный, отвердев кричала
невнятно требуя избы,
сирени, от мороза ломкой,
и замороженных глубин,
или хотя бы потной шконки,

всплывут горящие гробы,
и станет мне тепло на лодке
перегибающей в обрыв,
где от встречающих так громко.
(24/03/2013)

ОГОРОД

Прозрачное дыхание весны
перебирает седину земную

[ещё не время – даже не зима –
а щель и скрип – которых, как иную

взыскует недоталая земля,
как бы в отместку месту существуя,
как бы вообще ничто не говоря,
благодаря за всё, за всё – любую

пернатую лягушку подо льдом,
закрывшим рот, глазницу – как ладонью
её печёный, утренний, как вдох,
ещё замёрзший голос под водою].

Стучит вода по тополям, стучит,
переходя себя напропалую,
лепечет, как мальчишка, и молчит,
как щель и скрип, в который как в иную

калитку смотрит, даже не губя,
строгая для лягушек этих луки,
и падает землёй, узнав себя
сквозь тополя порубленные руки.
(08/04/2013)

* * *

И вот ещё, ещё немного – и начинается потоп,
сминая выдох у порога, чтоб спрятать в травяной носок,
в полынной кости распрямляя [ещё не пойманную] речь
[нагретой до кипенья] почвы, чтобы удобнее было лечь.
Так опадают воды ... воды... как выдохи и пузырьки,
и люди дышат словно овцы, дойдя до ледяной реки,

и с ними дышит, улыбаясь, как старость женщины, звезда,
ломаясь в темном отраженье на: да – и да – конечно, да –
ещё, ещё её немного поддержишь, выпустив с руки,
а люди дышат, словно овцы с той глубины одной реки,
сминая выдох у порога, в полынной кости копят тьму,
чтоб говорить немного боле немногим меньше одному.

(09/06/2013)

* * *

О, муравьиный снег, на гипсовом январском,
застывший снеговик, в наречии баварском
из сумерек Европы, блуждающей в арабах,
пора пере-

одеться и наблюдать в хиджабах
[крутящихся во сне иногородней речи,
к зиме оживших] пчёл, садящихся на плечи.

О, насекомый быт – холодный – переживших
свой временный язык, приют по кичам ищет,
свистит в свою дыру, суёт как в небо пальчик,
сходящий, как в ак-

бар, с ума ведомый, мальчик –
стоящий под дождём в клубящемся Париже
шевелит мёртвой жаброй. Мизинец неба лижет

метель, всю тьму метель в корявом переводе,
зашитая, как зверь, в крылатые подводы.

О, муравьиный свет в подземном переходе,
шатается анчар [от алкоголя вроде] –
переодетый бог взирает на кончину
[наверное, свою] и смерть прекрасно-длинна.

(03/07/13)

КОЛЧАК

*У юной Росы Камборьо
Клинком отрублены груди,
Они на отчем пороге
Стоят на бронзовом блюде.
Ф.Г. Лорка*

Соски срезая ржавую метлой,
стоит у входа с неба часовой –
он машет медленной [как будто бы кино]
рукой кленовой этим за спиной.

Приветствует [не то чтоб вялый Омск]
входящих и ведущих в эту ось
полуслепых [двудённых, как котят]
и в свой живот кладёт их, в ровный ряд

на блюдо под палёною корой.
Ещё [как будто даже молодой]
один из мертвецов, как водомерка
суёт наружу руки – типа, мелко.

Метла проходит [вся в бушлате черном]
и слышит сиплый говор в коридорном
наречии фанерной коммуналки,
и покрывается испариной [здесь жалко

становится по-лагерному]. Чёткий
поветочный досмотр ведёт дозорный
и каркает из тёмного бушлата,
и публика [немного виновато]

расходится к кругам сосков молочных
моей жены – кровавой и непрочной,
и плёнка рвётся [как в кино – два раза],
зрачки срезая с глаз [как бы проказа].
(10/07/13)

* * *

Как хорошо в провинции провинций!
Где дым заранее заложен в наши лица –
три рта плывут чеширские к забору
свинцовому, как нёбо. Разговору

здесь не начаться, потому что нечем
нам прорастить его. По местной речи:
башкиры - это местные индейцы,
рекущие со дна – как бы ахейцы.

Их бог исправен – высохший до сосен –
передает заветы пароходу,
одноколейке (разве только Север
отсутствует везде [мы в это верим]).

Как хорошо под небом – без печали
молчать. Не веря, тишине. Не в праве.
Лежать потопу поперёк – сквозь зубы,
читать усы чеширские, и губы

чесать шершавым местным безъязычьем,
портвейном трёхтопорным на свету.
и если в тьме лишь светятся отличья
то по-чеширски точно я живу.

(12/07/13)

* * *

Переспелое небо, как тыблоко, ляжет к ногам,
зашуршит, как незрячий щенок, что разыскивал соску
материнскую в темной коробке – перетряхивал хлам
и ходил меж прозрачных вещей, и поскрипывал в досках.

Начинается утро – точнее: отъезд – он – патлат,
скособочен, как дом - за которым весь год не ходили,
и вода прекращается – словом течёт по губам,
и речёт пескарём, зарывшимся как поплавок, в белом иле.

Переспелое небо. Сколоченный наспех сентябрь.
Даже в камне [легко и надёжно упрятанный] воздух
разливается по полу, словно стакан молока,
значит тыблоко катится мимо свободы на волю.

(13/07/2013)

ОДА НА ТРЕТИЙ ИЮЛЬСКИЙ ЛИВЕНЬ

Холодная вода, что вертикальна,
стоит – шевелится – который день летально –
садам – по горло – конопле, канаве
[как бы избавишись от ангелов и правил,

где я углом живу сентиментальным,
себя не стою – от того и плачу,
что нас не выдаст Бог, торчащий с боку,
торчу с водой, которой одиноко].

Мои друзья с другого края/света
За мной следят [с отчизной неодетой] –
со сволочью торчу, не накурившись,
харчком сплавляясь с родиной и тризной.

Прекрасна панихида будет этим,
пернатым, голосащим, как петели
конюшни, обернувшейся в сараи
[здесь понимаешь, что не надо рая –

пока вода стоит над огородом
и разбухает голосом чебачьим
древесный уголь – так,
а не иначе

(14/07/13)

* * *

Что ж, изначально будет дым,
и прелых листьев кости, жабры
смешаются – помешан миф –
хотя, возможно, что мы –
сами.

В начале будут ткань и тьмы
узбеков здесь над головами –
никто из местных не погиб –
хотя, возможно, что –
мы сами.

Я позабыл чужой Париж,
который выдоху не нужен,
и вынимаю внемльивиждь
всегда вовнутрь, а не
наружу.

Перенимай волков стеречь
цепное слово из сысерти,
где изначально будет дым,
до мифа, как начала
смерти.

Плыви, древесный и больной,
перекрутив за половину
что не сходила в мир, тобой –
как речь смертельная –
обида

(14/07/13)

* * *

обида нет
бледнеет и темнеет
холодный сад
в 13 году

от георгины
жёлтые аллеи –
как псы и кошки
с воздухом в паху

наматывают
мясо ледяное
на кости
неоформленных столбов

где газ по трубам
как ребёнок ноет
но кажется ему
что он поёт

по остановкам
как ворона мёрзнет
и кутается
носом в проводах

калённых электричество
[как в тельник]
и топчет ночь
дырявую в носках

обида нет
а делится на трое
холодный свет
завёрнутый в сады

и пчёлы спят
щенками в чёрном торфе
зававши в ртах
куски стальной воды

(14/07/13)

LA MARIPOSA DE ARENA

То, что чудеснее речи любой,
помнит, как бабочка [о] камень билась
[вместе – с хранимой под сором – водой] –
так и скажи, что она сохранилась

в тёплой смоле, как селенье в глуши,
будто летая, латает подбрюшьё
божьему небу – в котором дрожит
белым хитином хранимо снаружи.

Но ничего не случается, что
может озвученным стать – переносным
смыслом. За контур – усни, инженер,
слесарь-сантехник бабочкам водным.

Чувствуешь [?] – что эта бабочка внутрь
смотрит, себя разбирая до страха –
словно из камня сбежала уснуть
в тминых пустотах своих – там, где влага

небо построила – не по себе
богу, что бабочке может присниться,
то, что чудеснее речи, и снег
в камне за ней продолжает кружиться.
(15/07/13)

Передавая хлеб по кругу,
Как чайки гальку клювом в клюв –
Мы говорили с жидким богом
Своих друзей, чужих подруг –

Определёно и неточно.
Из ямы в детстве и земле –
Казался хлеб и мне порочным -
Сгорая спиртом на столе.

Передавал нас хлеб овальный,
Прозрачный на зрачок слепца,
Как гальку, как глоток печали
И срез на пальце у жнеца,

Он говорил за нас не дольше,
Чем воздух бился у виска –
В мякину обращая слово,
Скрипела чайками доска,

Скрипела этим жидким хлебом
Связав на мёртвые узлы,
Как жидкий бог чужое тело
с таким моим.

(16/07/2013)

БЕССОНИЦА

Вывернув себя до дна
этой родины пустынной,
возвращаешь благодать,
благодарность и другие

нищих сумерек детали,
и бессонницу – с водою –
выжимая свет на тени,
где вернулся за собою,

выжимая льда сухого –
углекислый выдох в бледный,
пролетарский, бля, посёлок.
Слушаешь: [из шахты] медный

колокол – перевернувшись,
ищет звук в своём обломке
горлышком безъязыковым
он плывёт здесь с музой тонкой

возвратившийся, как блудный
сын в отцовскую могилу,
с тощей бабою бесплодной,
он плывет в пивную жилу,

в купоросные разводы
смотрит, в родины пустоты
возвращает, к потной жажде,
чтоб задать вопрос мне: кто ты [?]

сын в отцовской яме роет
языком немного света,
чтоб оставить всякой твари
свое место без ответа.

(17/07/2013)

* * *

но будто вся вода не здесь
но будто уточка взлетела
палаты все перевозмогла
и села рядышком у тела

как пела здесь вода когда
пернатый выходил народец
из камыша едва дыша
и глядя в небо как в колодец

лежал и я меж сосен трёх
и наблюдал как эти дети
горят передо мной и там
из вёдер говорят нет смерти

и жук июльский говорит
перегорают в водомерку
и смотрит этот боже вниз
где ртом ловлю его монетку
(22/07/13)

* * *

с лицом как озеро лежать
открытым богу и пророку

и никого не износить
ни ближнего ни дальних – вдоху

еще прозрачная земля
касается до половины

и даже в этом только я
возможно как зима повинен

храню свою ещё вину
и ей за всё я благодарен

и принимаю что живу
как и потоп со всех краин

(23/07/13)

* * *

Ты роняешь ничего
и оно ложится мягко,
смяв дощатое плечо
у утопленного тапка.

Сверху тянет горячо,
снизу речь земную слышит,
и, наверное, сечёт
фишку, истину и ближе.

Встанет время в угол, в дверь –
безнаказанное нами –
как уроненный меж вер
гвоздь, крепящий весь фундамент.

Пощарапает нас тень,
встанет дверью перед нами –
деревянный тёплый шар
с лошадиными глазами.

(23/07/13)

* * *

Листья слетают.
Как бы последние гнёзда
небо покинет троянского
[в яблонях с инеем] льва –
старый мальчишка
сидит на скамейке так близко,
что не касается
длинным дымом меня.

Только и будет теплым
портвейн неизбывный –
что поцелуй первой
девочки там, где репей.
Треск стеарина
углов можжевельника – троица
гусениц жирных.
С запрятанным в кожу крылом

листья летают [как бы
покинуты гнездами].
Благодаря этот дым,
за которым ведом,
старый стоит, как мальчишка
троянской всей конницы,
и под копытом его
растёт новый дом.

(24/07/13)

* * *

И ослепителен был свет
ремня у самой-самой смерти –
так не давался мне ответ,
когда ей прибавлял отверстий,

когда ей в кожаный хомут
втыкал я «жили-были вроде»,
заглядывал в свою же жуть,
конюшни путая с подводой.

Лежал в песке и языке
и, ослепительнее русских
стреляя у земли махры
из торфяных карманов узких,

смотрел в её своё лицо,
расколотое рыбной стаей,
и ослепительное то,
чем кожаный хомут мой станет,

когда я этот свет возьму
одним глотком для перевоза –
как стыд, который без меня,
как смерть останется бесхозным.

(25/07/13)

РУБАХА

Если ни вод не останется, ни
нитей, которыми шьют нам к субботе,
рубаху кровавую эти холмы,
мясо её принимая в ладони.

Может, утонет, а может, всплакнёт –
снегом густым на холмах перекрестится
утро [когда лишь рубаха идёт –
а под рубахой ни лампы, ни деревца].

А под рубахою этой – холмы
бьются размеренно мягкими лбами,
и разлетаются как воробьи,
сцеплены насмерть тремя пескарями.

Только рубаха идёт и идёт,
мясом в себя прорастая немного –
может быть мясо её и спасёт –
будто бы нет [или не было] Бога.

(26/07/13)

* * *

знаешь [?] косяки у неба голубиными глазами
смотрят как светляк тревожит
древеса и спит меж нами

как лежит в песок уткнувшись между галькой и травой
как живёт в моей подошве
и клюёт её с двойною

моей пайкою ужившись в косяке уткнутом в небо
в уточке ковчега делит он со мною
пар от хлеба

и светляк дым расчекрыжит чтобы голубь вышел тёмным
и читал себя в газете справа снизу
вдоль колонки

там где небо от оливы вовсе и неотделимо
знаешь [?] косяки у неба
вёслами скрипят отлива

(27/07/13)

* * *

Есть час, когда столбы стоят
и подбирают ток рабочий,
гудящий, как на мёд пчела
летит, подсолнечник
отбросив.

И белоглазый чуди дом
глотаёт свет, как чайка темень,
и тьма у тьмы стоит окна
п(р)очти что
Левий.

Вот [два часа стоявший] столб
устало поднимает чёрный
свой ствол, и ночь глотаёт он,
как вол вбивая в реку
осень.

И подпирающий пчелу
несёт в смоле своей прозрачной
её [в которой свет] во рту –
гуляющий, как ребёнком
раньше.

(28/07/13)

* * *

Ангелы и папиросы
с львиными во тьме очами
[вдоль дорог] себя не стоят,
как листва, горят волнами.

Ветер воеет, расщепивши
лапу мглою между пнями –
мы стоим на бездорожье –
что же будет здесь с камнями?

с теми, что мы рассовали
как птенцов в карманы-гнезда?
полетят ли вслед за нами,
как и мы - успев, но поздно?

И пырей, прокукарекав,
смотрит с облака под почву –
ангел чернозёмной жизни –
в мох стреляет папиросой.

И пырейными очами
лев моргает и кивает,
как бы вишня на подносе
тонет, но не умирает.

(29/07/13)

* * *

вот чугунная баба
и кормит она
грудью прижатой
полна и едина
и наливается
рыбой до дна
пухлая с голоду
воздуха льдина

вот на заборе
висит как живой
бывший фотограф
мгновенье запомнив
вот как топор
говорит он со мной
вот эта баба
меня и не вспомнит

будто еловую
стружку смахнув
встанет на утро
теперь не со мною
кто-то другой
но уже за меня
грудь чугунная
пальцами тронув

и задрожит
расправляясь живот
бабы кормящей
живыми сосками
и зазвенит
черный грач изнутри
перьями мясом
дышащим меж нами
(07/2013)

HIJO PRÓDIGO

Так ты крути круги печали,
наездник воздуха – с веранд
заходит гость и грудью впалой
он ищет, как на век пропасть,
как не вернуться с фронта в этот,
таджиком занятый, свой дом,
как вырастить на коже нечто
(возможно холм).

Наездник всей богемы нашей –
он помнит, как коса прошла
по головам у маргиналов
и жизнь прошла,
ушла давно за половину,
за распитой язык-стакан
и от сирени, как волк, дикой
гудит титан –

он воду греет чёрной бани,
он говорит как Пушкин нам:
крути, верти свои печали
по головам,
наездник, воздуха глашатай,
почти что холм,
отставший от своих же братьев,
спи языком.

(30/07/13)

* * *

И мертвому не больно омертветь,
Читай: ожить, как лимонад в открытке,
он начинает медленно смотреть,
т.е. гореть, как краешек улыбки,

и просыпается, чтоб мёртвых сторожить,
и складывать кубические листья
в таком-то месте, что не посетить,
что не ожить на оторопи лисьей.

Ведут живые камни за окном
его соседа – но уже навстречу.
И громким теплым газом и ситро
напившись, он фонит и не перечит.

И видит он, как ключ и телеграф
уже готовы, чтоб стучать записку:
не оживляйте мёртвые меня,
а на манки ловите и ириску.

(01/08/13)

* * *

Кто ходит в комнате моей,
свистит, как дырочка, наружу? –
он без лица и при лице,
и упакован в багаже
как скотчем скрученная стужа.

Кто возвращается домой,
в камчатку или в козахстаны
когда-нибудь пройдя себя?
Травинкой в зубе ковырял
кто утлой лодочке в кафтане?

Кто ходит в комнате моей,
переставляет, как тарелки,
воспоминанье о гостях,
случайно посетивших брег,
уловленный, как слух мой мелкий?

Кто здесь встаёт [?], как я, с утра
с больною головой, в начале
переставляет все места,
затем целует подлеца,
меня – и что у нас украли.

Нет никого и ничего –
и мой случайный собеседник
под коркою моей живёт,
как кость в холодном апельсине,
и ходит в комнате моей –

как продолжение моё,
как переводчик, без усилий.
И дребезжит весь день трамвай –
в нутре у комнаты контужен –
не бойся, Бог, я сделал все

чтобы тебя не обнаружить,
чтоб ты внутри у темноты,
как в комнате ходил, сгорая –
как эта дырка, что свистит,
с меня дыхания взимая.

(1/08/13)

* * *

По эту сторону болезни,
как скукой скроенный медведь,
мёд ловит знак [своей ладонью],
стоящий на слепой воде.

Знак, несуразный и горбатый,
непретворяемый в слога,
стоит коленями средь ряби
прозрачнейшего живота.

По сторону сию болезни –
баюкает и холодит
его как-будто только-только
он начал по воде ходить

Насквозь, в растянутой рубашка,
и три-четыре рыбака
в кустах, как волки, зашибают
и ищут – где же здесь река,

где эти стороны болезни,
чтоб отражались лица их,
а знак стоит на отдаленье –
как воды круглые затих.

Затих как будто будет что-то –
незамиримое, как зверь –
то, что воркует в знаке тонко –
как пчёлам нежное медведь.

(02/08/13)

* * *

Перевернутая птица
лепит снеговик подземный
и листает вереницу
из всех тех, кого там встретит,

перекрутит, и забросит
вещь-мешок к своим лопаткам –
ничего, что отраженье
обращённому жжёт пятки,

ничего что не убудет
у неё дыханья [в глотке]
камешек – затем и смотрит
в леденцовый запах водки,

чтоб грызущий зазеркалье
снеговик во тьме лохматый
[как бы Жучка на подворье]
мастерил детей из ваты.

Перевернута [как август]
пуговица дна и меры,
бьётся клюквою о пятки
детские – готова верить
(02/08/13)

* * *

Перепончаты ноги у бога
и большая, как дым, голова.
Он плывёт, понимая немного
в переносном значенье – мала
ему эта и роба, и тога –
баба любит его и меня.

И почти что бесславны итоги
у его недалеких детей –
всё целуют ему сквозь снег стопы,
всё надеются видеть гостей,
но рассыпаны смехом, как корни,
их визиты в постельном белье.

Перепончаты руки у бога,
ходит он будто дом в головах,
о себе он не знает так много,
что катается в блудных шарах
по зеленому, красному полю
и мюслявит пылинку в губах.

Ничего нам теперь не поможет,
но ужавшийся август простит
и оставит пустыми нас тоже
с перепонками славы
на стыд.

(08/13)

* * *

Н.

В пересечённой местности нет линий
прямых, как речь заезженных звонков.
Цитаты, как кленовые, бликуют
в боках молитвенных, звенящих
у коров.

Укор понятен твой, точь в точь, хороший,
ну (точно) мой, как ангел под крыльцом
стоишь и, что соврал жуёшь поспешно,
как будто встречен Гутенберг
свинцом.

Гудишь ,как табакерка под ладонью
пересечённой местности своей – что было
мнимой речью не укрою
чтоб плакать каждой линией
в тебе

(08/13)

[СВЕРДЛОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ]

Даниле Давыдову

Ты помнишь/не помнишь помятый
давыдовский прочный сюртук,
коньяк без лимона под горло –
как шарф шерстяной или стук.
всё ссут здесь поганные суки
по улице Сони Кривой,
и делает боженька снимки,
а может быть кто-то другой.

Ты помнишь давыдовский точный
гlossарий – пойдём за водой,
где к потерялась за выдох,
и топчет сугробы ногой
[у К появляются губы
и рыло с химмаша братка,
ещё червоточные зубы,
и даже желанье глотка].

Ты помнишь/припомнишь, как смерти
стихами закроенный пол
в коньяк заливался Сысертью,
и пился за каждым углом,
как ссали под окнами суки
сливая челябу в ебург,
и глобус крутил эти звуки,
как будто бы ехал в Москву.

Ты помнишь, что вспомнится дата,
когда разломали ребро
[в закуске закрытые рядом]
две суки и стало светло
под скрипом солёного снега,
закрытого в каждом узле –
лимон, в коньяке закипал и
агукал Кальпидию в Че.

Ты помнишь, как небо, чирикнув
в две спички, зажглось и спаслось,
как двум, пережившим верлибры,
по бабам мужицким спалось,
Свердловск начинался сюртучный,
все суки махали вослед
лимонного цвета платками,
линяя в коньячный ответ.

(2012)

* * *

Что близко мне? – скажи. Лежит
река под спешкою забора –
и тёлок местные коржи,
и кулинарный запах бора.

Такая тёплая земля,
что тает, в СО₂ сбегая,
туда, где нет ни островка
и где обширны грани рая,

и лает близкий, словно дождь –
даждь нам насущное на днеси –
на дне живущий ангел мой
он отражение завесил,

он светом свет на тон закрыл,
и лепетал творимый воздух,
лепил, что я в ларьке убит
и понимая, что не поздно –

я говорил ему в ответ,
что рай начнётся будто волос,
у сына моего в виске
останется понятный голос,

понятный мне или ему –
и в этом видится причина,
что ветер режет мандарин,
когда его еще не видно,

что человеческий язык
мною отдан на границе рая –
и я живу ему в ответ
и [как всегда] не понимаю.

(26/07/13)

* * *

губастая плотва
как будто бы обида
нас спрятала в сады
где никого не видно

и холодно в губах
у рыбьей человеческой
речной как дым воды
слепых моих увечий

мне кажется она
лежит как на подносе
как тёплый пароход
меня в себе увозит

и говорит вперёд
как проездной билетик
сквозь трещину на свет
где время не в ответе

подглянешь второпях
и скажешь всем спасибо
я говорил как бог
и было нас не видно
(05/08/13)

* * *

Прозрачный голос в лабиринте
нас водит и, не
беспокоясь, как иней спит
под каждым битым, с бинтом
в царапинах покоясь.

Прозрачное моё молчанье,
ты стоишь (моего ли?) слуха?
и разбиваешься на много
молчаний, как во сне
голубка

птенцами тоже разлеталась,
не помнит родины и речи.
И только голоса другие,
как хищные, летят
сквозь плечи.

(08/13)

* * *

Вот странные люди
в зарытые двери идут –
ни имя не вспомнить
ни шорох, что эти поймут,
как падает время
из малых прорех,
и бабочкой бьется
о лампу свою
человек.

Вот бабочки странен полет
или страшен – пойми –
что вскоре мы ляжем
у ней на пороге – колья
[продольную душу
её] в свои кости вложи.
Вот странные люди
идут через ночь
лошадьми,

и лошади ноздри шевелят
[как смертность] хрустят
и кормят седыми сосками
людей, как котят.
И кормится их разговор
уходящими в дверь:
спросить – не ответят
они, что горит в листопаде
за зверь.

(05/08/13)

* * *

А закольцованное с Б
сияет через призму птицы
нас ищут здесь но погоди
мы не запомним наши лица
нас азбука торопит я
сказать чтоб ангела увидеть
но никого не растопать
стрекочут вещи в каждой нити
есть мойра есть ещё судьба
холодная как тень к предмету
Б закольцованная с А
пылает в птице без лица
и потому не надо света
мы все в раскрытом году
лежим в коре ирги с сиренью –
издалека, издалека
прощая ангелу за тенью
его пропажу в немоте
нечеловеческой однажды
и говорим за темнотой
толкаясь в очереди к жажде
звенья как бы весь алфавит
разбит был горлышком в осколки
и слово птицу перейдя
ей даст лицо на перекрёстке
чтоб шла по ней в свой свет орда
(05/08/2013)

* * *

Колеблется ли свет,
подвешенный на трубах
печных в домах ночных,
шагающих в стадах
на водопой тьмы,
сколоть колодцам губы
за страх увидеть нас
в протянутых руках,

в местах густой воды,
которой древо просит,
склонив свои четыре
животных лика в дым,
где дом шагает в воды,
в которых вырос лосем,
как осень, обнажая
четыре головы.

Колеблется ли свет
иль колебим подсвечник,
или рука его
держащая дрожит –
за мною ходит лось
и дерево сквозь кожу
растёт, как светлячок,
в четыре стороны.

(08/13)

ЩЕГОЛ

Кому-нибудь покажется: ты спишь,
в отверстия у сна сопишь, свистишь –
щеглиный голос полый, как сова
начавшись ночью, но едва-едва
притронешься к нему и улетит.
И там, в подполье, ласково болит

и, кажется, что обретает мясо
щекотный голос в ивовом заборе
он вышел [как впервые] из Миасса
чтоб перейти, как марсовое, поле,
всю скважину бездомного замка
и спрашивать потом: как там, на воле?

Ты – опыт сна. Кончаешься, как голос,
и продолжаешься, как слух и собеседник
всем мёртвым языкам, лишенным смысла
зато красивым, как и все руины
и крынка разливается в молочных
телят, которые плывут на белой льдине,
в телят, которые [как речь твоя] неточны.

И если ты взмахнешь: рукой? крылом ли? слухом? –
то мир изменит снова наши лица
и голос гол, почти как ожиданье,
и думает: кто и кому здесь снится?
Точнее – где? Сиди же на заборе,
даруй мне свист, отверстие, подполье,

любого сна подвал, квадрат [почти, как птицу,
что удивлялась нам, способным мниться
то отраженью на слепой воде
то водомерке в зрячей полынье,
в той половине мира, где идёт
любой щегол и лице спящих пьёт].

(06/08/13)

* * *

и листопад который видишь ты
здесь комната которая черты
[не очертания] хозяина приемлет
и поднимает на прямой руке
[за тополем парящим в высоте]
другую речь стоящих в отдаленье

вот эта печь похожая на сглаз
она как галька растирает нас
на память всех вещей что помнят нас
отсюда сжив – и кто в неё заглянет
тот листопад не сможет перейти
смотри за ним и заматай следы

и помни всё случилось здесь заране
(07/08/13)

То, что лежало на ладони,
хрустело яблоком на свет
[глазной] распахнутой пчелою,
как донник, павший на столе.

Сгорает кожа восковая,
как лепет нас клюющих птиц,
в ребёнке под столом сужаясь,
и донник говорит: простишь,

на дне у неба, прижимаясь
плотнее к темени кругов,
я слышал, как с меня снимают
[как с дерева яблоко] засов.

Там я лежу на дне у света –
пока расходится волна,
хрустящая, как волн пометки
на ткани тёплого ствола.

И чем мне светит скатерть эта,
когда в хруст руку протянув
взлетает яблоко [глазное],
пчелу и донник взявши в клюв?
(08/08/13)

КОЛОДЕЦ

Руслану Комадею

Ты всё провожаешь свои голограммы в шиповника ад,
который в себе вышиваешь, на память, как линию рваную рта.

Гляди – просветлеет колодец, и гонят быков –
ведь рай это полость – беда ли, что мал? Это всё.

Чтоб хлеб подавал бледный знак – что в твою Чилябонь,
как малое стадо пришел телеграф – но уволь! –

там гонит колодец быков, как бы кровь чистотел,
шиповник растёт через звук, меж своих же ветвей.

Есть мокрый двойник у быка. Он – колодец, он – чист,
растет из шиповника, с горлом разрезанным вниз.

Светает двойник, как фонарь, освещает свой рай,
где гонят быков, чья спина распрямилась в трамвай,

врастая в шиповник. И больше не вправе стоять –
шиповник, колодец и бык в свои ветви летят.

(09/08/13)

РИСУНОК

повис над нами пловец синий
певец одышки и гомера
вокруг посмотришь много глины
а остальное всё – химера

ключи скрипят внутри у скважин
как будто женщина полна
мужчин и Бога по порядку
выводит в озеро она

и за пределами пристанищ
гудит солёный звук дождя
наверное и мы дождались
пловца фонарного в костях

ключи скрипят внутри у скважин
как будто женщина полна
мужчин и Бога по порядку
и грудь её как смерть – тесьма

и у рисунка вот такого
сверчок под сердцем замолчит
чтоб слушать как Гомер с Химерой
под глиной слушают ключи

ключи скрипят внутри у скважин
как будто женщина полна
мужчин и Бога – в женском платье
идёт навстречу ей волна

и покидаются причины
её открытых берегов
и смотрят внутрь её мужчины
соображая: кто из трёх

(09/08/13)

* * *

Так вырой же тьму из могилы,
чтоб – как колыбель –
качалась она средь стеблей
предрабесных стрижей,

сгоняемых скрипом сосны,
в навесные углы,
стучащейся с нашей
прозрачной, как мы, стороны,

что вырыла нас,
и лопаткою птичьей звучит
над каждой цикадой,
как будто хозяйка бренчит

в прихожей костями, детьми –
разменяв лишь лицо, а не цвет,
начавши с конца,
поскольку сначала нас нет

ни в кадре, ни в клюве,
ни в этом фонарном белье.
Как будто есть тьма –
мы себе ковыряем бельё

Стоим у сосны между бёдер,
поднявшихся в свет,
кроша в темноту, то, что
[после прошедши] кольнёт.

(10/08/13)

ДИАЛОГ

Порезавшись крапивою сухой,
ты дышишь, удивляясь расстоянью
с её молчанием, и спелый перегной
земле передаёт своё дыханье,

крапиву он роняет в небеса –
и верится пока ещё крапиве,
что есть в её молчании леса,
строения (и что немного кривы

все эти построения её),
что дышит Бог в рыжеющий затылок
что перегной когда-нибудь спасёт
пуская сок в какой-нибудь отрывок,

в её порез, который, как язык
зелёным хлорофиллом мокнет
в горле,
её порез с моим заговорит
и их молчанье долгое умолкнет.

(11/08/13)

* * *

И вот ты раздвигаешь двойника
через тростник, в котором он клубится,
ещё туман [почти что не вода,
а ключ от птицы, что ей не разбиться]

даёт возможность]. Говорит со мной
двойник соломенный, садящийся на плечи,
саднящий горло – вот, как божеймой,
тростник меня раздвинул вдоль и лечит

выращивает мокрое лицо, шагает по лицу
как бы в печали, и август смотрит
пристально за мной –
кутёнком, заблудившимся в причале,

чтоб слышал я, как шелестит тростник,
олений глаз закрыв наполовину,
и мокрый, словно смерть, двойник журчит,
меня [перед собой] как дно раздвинув.
(14/08/13)

* * *

Свет кожу стирает дочиста –
кто ходит на месте пустом?
Его ремесло переносное,
как бабе, вносить меня в дом.

Внесёт и забудет на время
в среде голубиных людей,
накинёт на яблоню темень,
царапая горло ветвей.

Меня поцарапав однажды,
как-будто котейка, дом-шар
воздушной и смертной жаждой
смотрел как (его ли?) душа

выходит из яблока красного
и светится, где за окном
дом в стороны все расширяется,
идя за своим молоком.

Его ремесло непонятное
Как бабе нести меня в сад
Где пчелы звенят пузырятся
Под кожей, желая назад,

где дождь вырастает из яблони
и падает яблоней стать,
где голуби клювом стараются
под кожей меня отыскать.

(18/08/13)

* * *

Откроют листья золотые рты,
зарубки оставляя в каждой щепке
воздушной [бог заточит топоры]
и по воду пойдут – как будто бросил
их этот август бронзовый в себя,
по кругу холодящему ослепнув,
своё изображение деля
на хлеб и воду, прижимаясь к древу
осеннему, зеркальному, как тьма,
где птичий бог прибил к лесорубам
и загорелся [и язык принял] –
как листья, рыбы в нём плывут по кругу
и открывают золотые рты
и немоту себе [как вещи] просят
[листвяные] и срубы и плоты
и август бронзовый в себе
[как в вёдрах] носят.

(16-19/08/13)

* * *

Вот осени пирог, как шар,
печёт Сентябрь. Из живота
его вытаскивает дёрн
зима, с которой он сплетён

через меня, через мои
всё выжигающие тьмы,
через позор и тишину
мою, в холодную страну

он пишет из меня письмо,
печёт жену мою и дочь,
как мягкий снег, мясной пирог
он катит в шаре пред собой.

Вот этой осени пирог –
садись со мною, ешь со мной
мой рай кромешный изнутри,
с зимой забитый в сапоги.

Кати меня земле под дых,
как будто пёс оставил штрих
на этой выжатой тропе
в сосущей птицу высоте.

Скорми меня, Сентябрь, скорми
шарам гудящим изнутри –
подобно ульям и вагонам,
нас покидавшим, как дорога,

с которой осени пирог
в кромешный рай глазеет мой.
(20/08/13)

ПРОГУЛКА В АВГУСТЕ

-1-

Входя в мой дом, как тень остановись –
на роднике, в котором прячет ключ
[звнящий в связке] тусторонний сад,
как август, спрятанный среди калиток туч.

Ты не найдёшь – вот стой теперь, как тень,
как бы вода, обретшая кувшина
[пусть гипсовую] кровь – что тоже кров,
[пусть речь] скрипящую из каждого мужчины.

И длинный пёс берёт мой страх из губ
[начавшегося с тени] листьяпада,
но [глаз не поднимая] видит он,
как зреет камень в дурочке, и надо

всего лишь – оглядеться и поднять
с земли свою [еще совсем не горсть]
золы, что в птицу развернулась и пропала –
как [между берегов повисших] мост.

Входя в мой дом, припомни, что в меня
обёрнут ключ от голоса и смерти,
что в роднике, в уключине [не смят,
но говорит] меж нами некто третий.

-2-

Входи в мой дом – пока ещё ты контур –
как сад посмертный, не обретший плотность,
как ртуть с ладони, склеванной вороной,
переметнувшейся снежком в иную плоскость.

Входи в мой дом нелепою наградой,
скрипи в калитке, как дрова в сарае,
чтоб контур становился этот ближе,
чтоб знали мы, что плоть [и так] сгорает.

Мой бедный родственник,
двойник воды бинарной,
свою ладонь в сад погрузи, как лики
раздвинь воды колодезные створки,
за мытые твои/мои ошибки.

Входи в мой дом, с вещами разминувшись –
за сквозняком следы не прибирая –
пока ты контур для смертельной жизни
и выглядишь, как я [совсем банально] –

Греми, как Данте в зимней погребушке,
чтоб контур твёрже стал и нас однажды
оставил так, как оставляют сад свой -
уткнувшись шкурой в шкуру,
краем к раю

воды, где [приближаясь к отраженьям]
два контура свою же смерть теряют.

-3-

Мы потеряли смерть свою,
которую - то я пою,
то бабочка в ладонях
у сада – что потонет.

За садом тень его стоит,
как дерево и запах лип
[нелепое создание,
которое с названием

своим приобретает смерть].
пока что мы учились петь
почти что соловьями
[и думали что сами]

в ранете жили муравьи
и расширяясь изнутри
в пупе земном,
как норы –

они мастрячили нам дом,
вокзал и сладкий тлиный ком
совали в подъязычье
[как будто дело в личном].

И тень – нас потерявщи здесь –
водила свет сквозь тёмный лес,
как бабочка, что тонет
сверкая сквозь ладони.

(21-23/08/13)

Алексею Сомову

Что птица волочёт в своё гнездо,
растягивая А почти до О?
Что бывший адрес твой, что этот новый –
недостижим, и прячется лицо
среди других, в даггеротип словлённых,
где голос стал уже твоим вдовцом.

Он в комнату проходит, натываясь
на форточки – кто палочкой стучит [?]
с той стороны, на всех нас – разрываясь
пока пиздато эта смерть торчит,

пока, как запах хлора и мочи –
летает с этим, перьями зажатым
(читаем «Смена-8М») – все три ночи
(совсем не ночи) – синий под халатом,
снимая с нас, как с вешалки бельё,
гнилые голоса чужой фонемы,

и дождь с землёю под язык кладёт,
и хлеб размокший на язык кладёт
земля парит (а смыслы также темны,
но не темны) – засвечены тела.
Теперь, как бы Аид, стоит Сарапул
и поедает [как бумагу] всё,
переиначив, забираясь на кол.

Но вот, что очевидно – понедельник
шагает в ряд с тобой всегда налево,
не с той ноги и стороны ты встанешь
нащупывая рядом своё тело –
и вылетает смерть, как будто птичка,
и диафрагма в ней как бы табличка:
закрыт даггеротип – портвейн
ушёл на фронт.

(26/08/13)

* * *

Где деревянно кровь до октября
стучит - внутри у дерева, как ложка,
с морозом пальцы наизусть скрестя,
и смотрит [как в лицо] с его окошка,

как здесь, наевшись почвы, в высоту
у яблони прорезывая крылья,
вдоль веточек нахохлившись, плоды
сидят так, что – и кровь совсем не видно.

Поют [как человечьи] голоса
у дерева согретого плодами,
и кровь, скрутившись в яблоне, у дна
летит, морозя почву, перед нами.

(12/09/13)

СРУБ

в срубе ручном узловатой зимы
запотело стекло

кто-то с иной стороны
лизет дно [теплым ртом

режет от неба язык
он кусок за куском]

то деревянной пилой
то дрожащим ножом

ходит по кругу воронки
пернатый как треск

и [беспросветен как горло]
светящийся лес

(13/09/13)

* * *

И запрокинув голову
[пока что без лица],
в круги по небу пялится,
как камень, детвора,

и птица возвращается
в качели [как бы смерть],
и лица нарисованы
в лице её на треть.

Но, запрокинув голову,
стоящий в небе том,
дом раздвигает в стороны
лицо, чтоб смыть дождём,

чтобы стоять неузнанным
в каких-нибудь углах –
пока незрячи дети,
неся, как камень, страх

и, запрокинув голову,
в качели плачет смерть,
что ей лишь умирать здесь
[совсем]

одной за всех.

(15/09/13)

* * *

Он медлит избавлять от скорби –
накормлена земля, в боках

дрожит и дышит, будто пёс ей
врастает в рёбра, в берега

как будто бы врастает ива,
точнее тень её растёт,

и тянет рёбра рек, лениво
кадык воде поспешной рвёт.

И линза из незрелой крови,
как из гнезда упав, дрожит

в птенце, врисованном псу в брюхо,
что в водах вспаханных лежит,

где тень, застыв на середине,
перезабыла диалог,

бог возвращает – как молитву
и иву – долг.

(16/09/13)

НАТАЛЬЯ

Покажется, что снег с землёй делим
на человека и пустое место –
проходишь через тень свою один,
и та парит [как будто бы из теста].

Покажется – что тронута рукой
уже нашло скрижали нашей смерти –
покая нет – но, если есть покой,
то он всегда в оставленном здесь месте.

Идёшь на холм иль спустишься с холма –
всё кажется, пока перевозима
сквозь тьму и ночь – на поезде душа,
на лодке [в старике] как руки длинной.

Покажется, что снег съедает смерть,
как будто тени замечает крошки,
что сокрушимы Бог и человек,
когда уже почти что осторожны,

и, что, спускаясь с неба, голоса
нащупывают в горла тьме неслышной
зерно проросшее – чужое, как глаза –
переходящее из местности сей в поздно.

Покажется, что снег в земле лежит,
и, что земля лежит внутрь человека –
чья тень оторвой сквозь меня летит,
по стороне ребра глухого света,

что выгнута, как лодка, почва здесь,
и снег всегда идёт наполовину,
что в свете есть твоём – моя вина –
и с ней не умираю я – а гибну.

(14-16/09/13)

БОГ

Нет ни меня, ни тьмы
и даже света нет –
а только тонкий глаз.
И в щёлочки просвет

Он смотрит на меня,
а я смотрю в Него,
и кроме наших взглядов
здесь нету никого.
(10/09/13)

* * *

Когда почти освоен диалект –
кыштымский, привокзальный и небесный –
меня уже почти на свете нет –
хотя, возможно, это я на снеге
сную то снегирём, то воробьем,
жую снежок в руке своей трёхпалой,
и пролетаю под пурги метлой,
чтоб словеса казались слишком малым.

Поспешным чудом будет весь декабрь,
когда все яблони цветут холодным снегом
и отрывают ноги от земли,
переступая с пяток на носки,
как бы мерцая между этим светом
и тем, другим, горящим за спиной.
И треском [уходящего вдоль сада
дыхания пернатого метлы] закончится
весь мой словарь земной –
и чуда большего мне на земле не надо.

И чуда большего нет в птичьем языке –
лететь сквозь местный и мясной, скрипящий,
горбатый и молчащий, красный снег –
от паровозного гудка в ранет летящий –
и там – вполне освоившись – словарь
всё ковыряет свет, как будто с сосен
снимает кожуру [возможно, бег] –
и чуден день его, год – високосен.

(17/09/13)

* * *

Дмитрию Машарыгину

Вот неба свет – какой-то не такой
ты, друг мой, возвращаешься домой.
Сентябрь тебя читает через дождь,
через тире и точки, точно дочь –
тобой забытая в метро – всё ждёт Аида
и понимает: ничего не видно
и не бывает дна у всех времён –
хотя и всадник блед уже прочтён.

С тобой ли Бог, мой друг? или засада
нам зачтена за выход из детсада,
и небо пьёт в песочнице с листвы,
и не бывает никакой Литвы,
и речь не говорит о возвращенье.
Пылает столб шиповника внутри
у ЧМЗовской пацанвы вечерней,
у бородатой этой мошкары.

Вот неба свет - прими его таким
ломающимся, словно изнутри
его к нам лезет Бог и видит всё
прозрачным, как шары и огород
осенний, голый – будто ангел весь
его покинул, а не улетел,
искать лепить (хоть глиняное) горло
чтоб говорить покинувшему лес,

что входы все в метро, что снег надолго,
что возвращаешься ты, умирая здесь,
что столб внутри – шиповника не стоит,
хоть и сгорает тридцать три часа
подросток в этих вышедших по трое
на поиски для каждого отца,
что в сентябре вокруг одно лицо –
вот неба свет и костяное слово
в тебе текут, рекут тебя сквозь свет –
и плавится свинец, вливаясь в горло.

(23/09/13)

* * *

Ломается так голос у подростка,
что в дымную воронку головой
врос, как открывшая, что смертна
вскоре, почка –
еще не ставши веткой,
но другой

не хочется ей быть –
возможно плакать – пока весь мир
так близок и несом –
подросток, носит голос,
нож запасный,
ломая смерть, как ветку,
колесом.

Ломая голос – то есть ветку, ветку,
что в дымную воронку топчет ночь,
не допуская, что и та – бессмертна,
как перочинный голос,
в смысле – нож.

(22/09/13)

* * *

Зеркало запотеет – заглянешь с другой стороны:
кажется, что стоишь ты на глубине Невы,
на глубине Исети или иной травы –
выберут эти сети белые рыбаки.

Будешь лежать на блюде, как на ладонях их,
вывих инакой буквы, оставив как часть кожуры
чашки своей, расплескавшей воздух по берегам,
осколок безводной чащи – только увидишь: там

зеркало запотело – а рукавом ототри –
лице своё не видишь, снаружи и изнутри
всё в казаков играют стрелочки и штрихи,
рыбно на рынке, людно на глубине реки.

(24/09/13)

* * *

Все дольше утро и туман
длинней быков в холодных лужах –
едва покажешься ты там
и вот опять кому-то нужен
ты здесь. С какой бы стороны
не посмотрел – но видишь пегих
синиц, что у себя в груди
совьют кормушку и гнездовье,
чтоб оказавшийся внутри
туман лежал у изголовья.
Так говорить за свой Ты-дым
я обучался – глядя в чёрных
быков, что в капельках росы
росли и пухли, словно розы.
Все дольше утро – тише слог –
тумана нет или не виден –
лежит лицом в огне пророк –
как будто бы плывёт на льдине –

и наблюдает: как быки
теряют листья в эту осень,
и на веревочке тоски
с собою пастбище уносят.

(25/09/13)

* * *

Потянуло патокой от фабрики
и бараны водят хоровод -
георгины, павши на колени,
молоко пьют в утренний живот.

Подмерзают груши и боками
колокольными и медными звенят –
от ночи неприбраны, как женщина –
лампами в земле с водой лежат.

Ангел лижет языком (шершавым ли?)
август с молоком в своих боках,
смерть и воздух кулинарной фабрики,
рёбра чьи прозрачные дрожат.

Груша упадёт, сентябрь рассыплется,
оставляя звук на языке –
георгин горит как-будто ижица,
удивляясь Богу налегке.

(21/09/13)

* * *

Бог выпал из гнезда – бежит.
Вокруг Его вода лежит,
как дева, предвкушая осень,
и, место расширяя в восемь
своих шагов, он огибает
её изгибы – понимает,
что вот оно, его гнездо,

здесь будет жить он –
дальше дождь его теряет
в плотной роще –
из собеседников попроще
его вода ткань тьмы промочит
насквозь. Бог падает в гнездо –
вода бежит, как буква до.

И вот, любимая, мы в разной
с тобой чуме. Что слышно? ткань
кипит ночи, растёт герань,
горит в кустарнике создание.
Бог принял всё – теперь лежит –
водой между бетонных плит
к земле прибитый на закланье.

Так мы с тобой лежим во тьме,
как речь в его сплошном гнезде,
не отвечая за дыхание –
и место расширяет свет,
и место обшивает свет
в гнезде воды, где Бога нет –
но только речь его и тайна.

(26/09/13)

* * *

Чуть дом затихнет – ангел мой
спускается к себе домой
и тормозит природу дома
посередине перехода
здесь – сердцевина у земли
вот скважина – чуть поверни
ключ деревянный – и пастух
пройдёт над облаком. Я тут, –
промолвит холм - ты тоже дома,
пока твой ангел в темноте –
ключи перебирает те,
пока скрипит, наполовину
излившись, тишина вокруг,
и в палисаднике, как астры,
светила внутрь себя растут.
Чудь белоглазая, мой ангел,
ключ деревянный поверни -
пастух под облаками ходит
защитыми вовнутрь детьми.

(20/09/13)

* * *

Стоящий в центре пятака,
прибитого по центру пола –
я видел птицу, дурака.
Нет, отражения земного
не видел я, не знал, что сон
прибит ко лбу дециметровым
гвоздём, развёрнутым в объём
Ты-дыма, сна [был чем-то голым].
Как изгородь во мне стоит
воспоминание живое,
что пил и я холодный стыд.
Нет отражения земного.
Я видел птицу, дурака,
стоящего в холодном теле
который думал, что и так
мы центром пятака доедем
куда-нибудь туда, где дым
стоит в моём щенячьем теле,
ловя то свет, то звон, так ты
меня поставишь на колени,
пытаясь приподнять пятак,
который бог во мгле роняет
на оловянный мой язык,
который в тьме любой узнает.

(27/09/13)

* * *

Распрявленной осени спина
в городе лежит как бы волна
от упавшего в степях метеорита.

Горлом пересчитывал людей –
сбился где-то в окончание сотни,
дальше начиналась снегирей

стая, что клюёт ранет свинцовый,
утренний, замерзший в зеркалах –
осени спина дрожит уловом,

прибивая словно доски страх
к берегу дождём или приливом.
Распрявленной осени спина

клёны плавников несёт, стыдливо
покрываясь чешуёй до дна,
чешуёй листвы до дна сосуда,

чей уход до брызг благословен –
осени спина плывёт уловом,
и не стыден этой рыбе плен.

Доплывёт и вынет у порога
жабры, крылья, торф и плавники.
Горлом пересчитывая шубы,

дым стоит на глубине реки
и плывёт от нас, по распрявленной
там, где снегирей стоят полки,

где рыбак на мир неискривленный
всё рыжеет, смотрит
– как мальки.

(28/09/13)

* * *

Вот они острые яблоки,
в воздух воткнувшие нос,
нюхают снег пока сладкий
он и ещё не подрос.

Вот они в кадре застыли,
вот ещё морщат лицо
в свете, который отплыли,
поскольку незримо число.

Вот острые яблоки ловят
весь свет, но поймают едва ль –
ясень на свет расширяется,
снег переходит за край.

Вот и лежат эти яблоки,
тёмные рёбра шуршат,
дева моя раздевается –
так как не ведает дат.

(28/09/13)

РОКОКО

Что кличешь ты расставаньем – случается не с тобой.
Катит Сизиф снежный камень над головой

твоей – как время звалось? – рококо,
кладбище, дерево с дырами, где никого,

здание с окнами сверху и без дверей,
звери без ног, но с лицами для детей,

сад, где песок средь вод переносных растёт,
дерево, что по имени снежный камень зовёт...

Перечисляет список Сизиф – смотрит на снежный шар,
на расставание неба с холмом, поднимая пар,

видя как лицо его искажает Протей,
нижет на нитку его отражения – что ж содей

камень катящийся, снежный – скажи рококо –
будет на сердце легче – почти легко.

Камень расколется, словно нагретый шар
попавший под ключ холодный – как этот дар

приходит здесь расставанье, идёт Сизиф,
руки подняв от скуки и потому что спит...

(29/09/13)

Н.

Читай стихи мои, из немоты
написанные будто из детсада,
записанные, словно это ты
мне их сама, сама надиктовала,

в двести сорок тринадцатом ходу,
и этот стих никем не перечёркнут –
как будто наши дети не поймут
когда над нами снег утоптан, точно

замыслено иначе было им
тростинкой, в пальцах у воды зажатой,
и смерть как будто есть, но не для них,
и для молчанья будто маловата.

Читай стихи, как будто в детский сад
в который раз мы за детьми уходим,
и плачем, Отче, если говорим,
а дети слышат всё, сшивая склоны.

(19/09/13)

Н.

Мне нравится, как дышит в ней земля
парная, молоком переполняясь,
как ей сплавляется, как новый дом, листва,
в прозрачный лес как будто ударяясь.

И в этой недалёкой красоте
её – хорёк, готовящий зимовье,
опилки чешет на дырявой голове
и говорит ей: только не сегодня.

Мне нравится, как ЭТО говорит
моей жене ЖИВОТНОЕ под солнцем,
мне нравится и, что она молчит,
переполняясь молоком сегодня,

что к ней падёт [и скоро] вся листва,
прозрачную землёй переполняясь,
что смерть сегодня снова неправа,
что речь о ней всего лишь показалась.

(30/09/13)

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ СЮЖЕТА

Раскуривал табак и оставались
зарубки никотина между пальцев,
которыми я дерева касался,
когда оно летело – просыпался
в невидимом сюжете. Виден порошок,
точней, коробка без углов и линий.
Как помнишь ты – нас где-то здесь зарыли,
а после не достали, не отмыли –
и вот лежим мы, типа мусульмане,
до подбородка приподняв колени,
подумай: в октябре, как в Чуркестане
гул расширяется, как будто бы по вене
плывет корабль похожий на Титаник
и тонет в свете посредине Вены.
Раскуривай табак – не оставайся,
как дерево в невидимом сюжете –
заходит в магазин, в октябрь - поддаты
и только что проросший, как Ареса
дитя – несёт в кармане он Балканку,
и спичку разжигает, как отпетый,
и смотрит в рот воды пока округлой,
и катится вода, как бы колёса,
с обратной стороны воды упругой.
Раскуривай табак – здесь невидимка
(см. начало – то же, что зарубки)
задёргивает свет литературы.
Вокруг земля и светлячки из жести –
и свет, глотает их, из тёмной трубки.

(1/10/13)

* * *

Вот холодает – ангелы, как снег,
ложатся в землю, обнимают это
покоище камней и рваный свет
корней, упоминающих про лето,
когда зимовье было их пустым
и громко колыхалось изнутри
в скалке исчезающего ветра.
Вот холодает – мы ложимся в свет,
впечатанный, как перья в тёплый гравий,
и пятки ангелы щекают из земли,
и шепчут нам, что всех предупреждали.
(10/10/13)

* * *

Что останется в этом лесу
зазеркальном, прозрачном и тощем,
если я его в сруб унесу
как осу на ладоне разжатой?

Ты лети, мой холодный, как дым
превращаясь в испарины пятна –
от прижатого носа к стеклу,
от меня и до смерти покатой,

говоря, что горишь, как умел
только дождь в этот улей попавший,
что и жизнь мою в ушко пропел
в эту длинную нить, где пропавшим

позволял я в себе говорить
с этой белой осой в центре снега,
в языке – что, пожалуй, забыл,
как бежит лес из рук у побега.

(23/10/13)

ОКОНЧАНИЕ ЭЛЕГИИ

...Что ж с бабочкой? – ужо одна летит
посередине ноября и стужи,
и пишет тьму с краснеющей строки,
как от стыда что света нет снаружи.
Элегия написана – едва ль
ты ждал, что это случится – нагие
сухие клёны прячутся в прудах
пока звенит холодное их вымя.
И бабочка летит одна – из тьмы,
из темноты, горячей до хитина,
и смотрит, сквозь ноябрь, куда-то вдаль
где клён назвал Адамом её имя.

ТРИ ЗАВЕРШЕНИЯ ШЕСТИСТИШИЯ

вот имя собственное мира
идёт само себя как дождь
само собой неизлечимо
само себе как правда ложь
сама себе крива мужчиной
и на экране снега дрожь

вот собственно и нас убили
поддев свечкою гибкий нож

неизлечимо гибнет имя
сжиная земли сквозь живот

вот, собственно, и всё. приплыли
без имени – что не поймёшь.

(04/11/13)

* * *

В срез неба заглянул – а там колодец,
свернувшись, спит высокою водой,

и пахнет шерстью лёд – и свитер носит,
и дышит за звездой неживой.

И смотрит на меня – чужой, обратный,
голодный свет и лижет языком

у мальчика – старик есть и собака
кусает сруб своим кривым плечом,

у языка – порезы и собака,
порезы неба чует тёплым ртом,

у старика спят мальчик и собака,
и он глядит в них, как в хозяев дом.

(06/11/13)

* * *

Голову ангела в вёдрах несу –
словно соломенный ломоть отцу,
как неродному пернатому дядьке,
как с языка ошалевшего – взятки,
осень, что женщина улицы вдоль –
в львиное блюдо над головой

льются в солому помятые птицы
тёмных огней – их костей вереницы
кашляют, вёдра царапают и
головы пилят, как лужи, людьми.
Только посмотришь – как в ангела скальпель –
дождь опускает – в остаток от капель

незамерзающего ноября –
это считай, что твой ангел на птах-
детей разлетается, видя отца –
из головы, из ведра, из гнезда
жидкий отец собирает свой прах
- крутит молчанье и курит в Потьмах.

(07/11/13)

* * *

Что ж счастье есть в домах, где кровоток –
к себе призвал невидимый сквозняк,
где едешь ты – с вагонами далёк –
и белый смех, упрятанный в санях,
сопровождает в тот поток тебя,
в примерный (даже сказочный) сугроб,
и смерть касается тебя, как живота,
предчувствуя рождение твоё.

Счастливая роженица – ты, смерть,
вот кокон сброшенный лежит уже в снегу,
и мы с тобою, растерявши твердь,
как-будто в хирургическом раю
подслеповато щуримся на свет,
топорщим крылья, учимся слогам,
молчанию, которое в ответ слагает тот,
что подобает нам.

(11/11/13)

* * *

Печален облик из окна
промокшего – зима ли ждёт,
что выйдем мы из дома на
холодный воздух, обожжет

мою стареющую кожу
зима, в которой Пушкин спит –
печален вид и невозможен –
как ложка длинная лежит.

(10/11/13)

РИЗОГРАФ

Флаг паденья твоего
клёном во дворе лежит
в основании его
всадник купоросом скрыт...
Вот картинка. Что с того,
что сюжет упёрт и снят
с фильма старого – всё Бог,
распечатанный стократ.
Он в ризографе зимы
перечислен в мокрый снег –
ходит в огороде том,
что придумал, как успех
пораженья своего,
Он, запаянный в свой клон,
всходит в небо по ветвям,
расколовшим медный склон.
Он - и фавн, и Аполлон,
как бы древо на холме,
пьет дрожащее вино,
покидая дивный мех,
за падение своё,
за трагический сюжет,
понимая: занесёт
место безо всех примет.

(12/11/13)

* * *

метафизический свой сад
я описал бы так что циркуль
своё гнездо же разорял
и видел нас в зверином виде
как будто нет обид и я
пока не разучился плакать
в свой детский лик –
в любую гайку
метафизически мой сад
стремился бы к архитектуре
которую бог создавал
но кто нас видел тот отрубит
свои же руки и протез
неся в обрубках и на блюде
я говорил не о себе –
о метафизике – пусть будет:
во тьме такая пустота
чтоб все пустоты возопили:
не надо больше языка
пусть нас лицо как зверь забудет
(09/13)

ΘEOΓONIA

Здесь жабой валится октябрь
в зеркальный пух своих смертей
в свой перепуганный финал,
летающий третьим меж зверей.
Здесь между слабых изолент
перемещает он в свой слух –
меня и тех двух-трех парней
которых тоже не найдут.

Куда ушли они с петель? –
прекрасен висельника вид,
покуда жалобны – как дверь –
синицы тёмных аонид.
Кого ты выдумал, октябрь,
пока ты смотришь на меня
и замышляешь мне язык,
и чертишь крестик по полям?

Октябрь, прикинувшись толпой,
обходит голос, словно ВОХР,
он сторожит с винтовкой смерть,
шевелит лужей, как губой.
Я в тонком жабьем клюве сплю,
в зеркальном пухе на свету,
и тень играет с детворой –
как бы соломинкой во рту

дитя твой ходит во дворе,
и цвиркает кузнечик вдоль –
и будет детство, будто в рай
Октябрь впадает исподволь,
неся в руке своей цикад,
как будто, если обопрусь
на воздух, падаю в свой ад,
где с отражением столкнусь.

(18/11/13)

ТЫДЫМ

-1-

В предсердии у форточки живет,
корябая, как иволга, живот
стене, и плачет тихо сквозь фотоны,
галдя на огород, как идиот...
Но ничего не будет – он сюжет
разбил на фразы, из фарфора жертв
извлёк на свет жену мою, Наталью,
и несколько [без имени] детей,
и плавал между бёдер, как форель
порой касаясь кожи тёмной жаброй,
безмолвною тыдымскою толпой,
чтоб сообщить, что он пока живой –
хотя не сможет умереть однажды.

-2-

Тыдым, тыдым – из перьев в гнезда
своих засунул упырей –
ты вспомнишь иволгу, но поздно –
лишь кровью плюнет соловей
на эти дивные морозы,
на дворника, на ишака
и входит в город некто грозный
[и на плечах его река].

Тыдым, тыдым, везущий холод,
как чушку на своём осле,
ты вспомнишь иволгу и тело
оставишь на моём столе.
Его смахнут на снег метлою,
сугробы оживут, как спирт –
и ты лежишь в Тыдыме позднем
не принимая, что убит.

(17/11/13)

МОЛИТВА

Опаснее гулять в своем раю,
ресницей чувствуя падение в нас света,
где я стою, как снег в одном снегу,
на вертикальном остоле из снега.
в раскрытое окно своей земли,
надутой детством местных насекомых,
впуская, как воздушные шары,
покинувших и боле незнакомых,
и больше не друзей ни мне, ни ей,
гуляющей в воде, как рай, отвесной,
свистящей, будто Пан в свою свирель –
уже искусно, также безответно
гулять, Тыдым как лодку растянув,
как стадо из коров нечеловечьих
над водопоем – света нет на двух,
и, может быть от этого мне легче
гулять в изнанке родины своей.
Ты наблюдай падение сквозь снег нас,
никто не за меня перед тобой
и от того не страшен смертный наст.

(20-21/12/13)

ТЫДЫМСКИЙ НОЙ

Венчая Пана с местной мошкаррой,
помашет пруд воздушною рукой,
перебирая анальгины нервно.
Чем запалился [?] перед нами он,
стоящий перемазанным мукой,
с канальей дождевой и прочей скверной

компанией из женских тополей,
лакающих [как псы] своих ветвей
окрошку пуховую в отраженье,
где лошадь, проходящая сквозь твердь,
разносит бубенцы [как будто смерть
своё уже признала поражение]

и лепит из снежков своих копыт
тех, кто до рождества в воде укрыт –
пока не взрезана в крещение пилою
она – и чертит круг над полыньёй,
и человека ищет [под корой
своею] пруд немеющей рукою.

И лошадь разминает позвонки
дыша над тёмным видом – далеки
извилины воды [задышанной и тесной],
и тихий плотник или местный Ной
идёт по воздуху со всей своей семьёй
под мошкарою снега занебесной,

несёт свой род, как сосны, издали.
И отрывает лошадь лепестки своих
голяшек, чтоб семье ответить,
приветствуя освобожденье вод
и только бубенцы всё наперёд
молчат и знают, и звенят беспечно.

(22/11/13)

* * *

Я научил ад говорить, собой
как манной кашей липкой и губастой,
его перекормив – своим одним
присутствием и чёрно-белой пастой.
Такой пленэр на выезде, такой,
что, проведя по воздуху сухой
рукой – царапины оставишь в известковом
его нутре. Точи же кисть, малыш –
его пораним мы – как бы кишмиш
топча то босиком, то сапогами,
то доставая с помощью старух
обрубок воздуха в котором не заснуть,
то еблей занимаясь в быстрой ванне.

Иди со мной скорее, дурачок,
мы нарисуем топь, электрошок
внутри зеркал коцитовой конюшни,
и наши мамки, ад переведа,
застанут сад, ничо не говоря,
из живота достав щенков, как лунки –
мы полетим с тобой сквозь тихий ад
крольчих, щенков с оленьими глазами,
переводя на русский славный мат
то, что они везде успели сами.

Но не сказать, что будешь ты другим
под этим ли шершавым – что там с ним
под светом вездесущим, будто чурки? –
под этим ли входящим, будто клин
в древесную породу с любой дурки [?] –
где пацанва проходит сплошняком,
лакая шнапс провисшими губами
с ланит, прибитых к косточкам соском,
как вереница смерти перед снами –
вишневая по вкусу – будто лёд,
висящий на ветвях у тёмной спицы
телеэфира местного, что в рот,
забился, вспомнив то, что мы – ресницы,

что это Бог взирает свысока
на всех животных с тёплыми глазами,
и расширяется, как будто свет тропа,
пока свой ад мы кормим словарями.

ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТИЕ

Я начинаю старость, как себе
мужик строгаёт гроб, когда за сорок,
когда губа у старших из детей
увлажнена давлением из сонной
страны, где стая жидких обезьян
стремится отвердеть до безразличья,
с которым копать ляжет на изъян,
как бы мужчина твой косноязычный,
чтоб в форточку альпийскую смотреть
и приходить в себя ещё все сорок,
оставленные дочерью мне, лет,
снимая освещение и морок
с прозрачной геометрии вещей,
лишая их имён и нашей скорби,
что скоро станем младше мы детей
своих, то, что их смерть совсем несносна,
то, что их смерть не знает ничего,
болтается, как тряпка и снаружи,
что дочь уже, почти что мой Орфей,
меня выводит из себя наружу,
где в каждой линии её худящих рук
воспоминание о сжатом в поле клёне
и негативы длинных тополей,
как стрекоза, рисуют в тьме поклоны,
где боль сороколетняя, как свет
всегда доотвечать стремится больше,
чем мы поймем из этих длинных рук,
которыми когда-нибудь уколешь
надутый шарик смертности моей,
летающей внутри шарика и дочки,
что расширяется и лает на ответ,
прося то свет из спутанных ветвей
то ясность, смятую, как слепота, до точки
когда пройдет каких-то сорок лет
и женщина, пока что некрасиво
беременна, несёт меня в руке,
как в животе в другую половину,

где дочь моя, прозрачная как тьма,
сужается в клубок или котёнка,
и видит в сне, конечно, не меня
а белый шум пурги моих осколков.
(02/12/13)

СОДЕРЖАНИЕ

ИДИОТ	[3]
ЖАЖДА	[5]
Не страшась приключиться вторично...	[6]
ЭФЕДРИН	
[7]	
АЭНЦЕФАЛ	[8]
ДЗО	[9]
МОИ ПОХОРОНЫ (песенка)	[10]
ни мёртвый ни чужой ни-ни ни-ни	[11]
ГОЛУБЯТНЯ	[12]
ну вот и сорок дней (читаешь: лет)	[13]
пусть ходит бог в моих калошах	
[14.]	
ну вот и сорок дней (читаешь: лет)	[15]
СЕРАФИМ	[16]
И так, легко переплывая свет	[17]
АМБРОЗ БИРС	[18]
Вот ведь какие дела: чем длиннее душа	[19]
ЭНТОМОЛОГИЯ	[20]
ЛЕТАЩИЙ ПЁС. СТИХОТВОРЕНИЕ ДЛЯ СТАРШЕЙ ДОЧЕРИ	[21]
БЕРЕМЕННОСТЬ	[23]
Пока сдаёшься ты, «пока-пока»	[25]
ВЕРСИЯ-DOS	[27]
В ГОРОДЕ К.	[29]
АСТМА	[30]
ТВАРЬ ИЗ ПОСЕЛКА РОЗА	[31]
Сквозь потный снег, сквозь ожиданье	[32]
НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ПОХОДА	[33]
10 ВАРИАНТОВ ПИСЬМА КАТЕ СИМОНОВОЙ	[41]
ДЕРЕВЯННЫЙ ВЕРТОЛЁТ	[49]
СОБАЧЬЯ ГОЛОВА	[50]
5 ВАРИАНТОВ ПИСЬМА ДАНИЛЕ ДАВЫДОВУ	[51]

И вот, придумав, что любим [56]
На птичьем рынке - торфяной язык [57]
Сминая бумажную воду [58]
В РОДДОМЕ [59]
Не раньше, чем начнётся смерть [60]
ОГОРОД [61]
И вот ещё, ещё немного – и начинается потоп [62]
О, муравьиный снег, на гипсовом январском [63]
КОЛЧАК [64]
Как хорошо в провинции провинций [65]
Переспелое небо, как тыблоко, ляжет к ногам [66]
ОДА НА ТРЕТИЙ ИЮЛЬСКИЙ ЛИВЕНЬ
[67]
Что ж, изначально будет дым [68]
обиды нет [69]
LA MARIPOSA DE ARENA [70]
Передавая хлеб по кругу [71]
БЕССОНИЦА [72]
но будто вся вода не здесь [73]
с лицом как озеро лежать [74]
Ты роняешь ничего [75]
Листья слетают. Как бы последние гнёзда [76]
И ослепителен был свет [77]
РУБАХА [78]
знаешь [?] косяки у неба голубиными глазами [79]
Есть час, когда столбы стоят [80]
Ангелы и папиросы [81]
вот чугунная баба [82]
НИЈО PRÓDIGO [83]
И мертвому не больно омертветь [84]
Кто ходит в комнате моей [85]
По эту сторону болезни [86]
Перевёрнутая птица [87]
Перепончатые ноги у бога [88]

В пересечённой местности нет линий [89]
[СВЕРДЛОВСКАЯ ЭЛЕГИЯ] [90]
Что близко мне? – скажи. Лежит [92]
губастая плотва [93]
Прозрачный голос в лабиринте [94]
Вот странные люди [95]
А закольцованное с Б [96]
Колеблется ли свет [97]
ЩЕГОЛ [98]
и листопад который видишь ты [99]
То, что лежало на ладони [100]
КОЛОДЕЦ [101]
РИСУНОК [102]
Так вырой же тьму из могилы [103]
ДИАЛОГ [104]
И вот ты раздвигаешь двойника [105]
Свет кожу стирает дочиста [106]
Откроют листья золотые рты [107]
Вот осени пирог, как шар [108]
ПРОГУЛКА В АВГУСТЕ [109]
Что птица волочёт в своё гнездо [112]
Где деревянно кровь до октября [113]
СРУБ [114]
И запрокинув голову [115]
Он медлит избавлять от скорби [116]
НАТАЛЬЯ [117]
БОГ [118]
Когда почти освоен диалект [119]
Вот неба свет – какой-то не такой [120]
Ломается так голос у подростка [121]
Зеркало запотеет – заглянешь с другой стороны [122]
Все дольше утро и туман [123]
Потянуло патокой от фабрики [124]
Бог выпал из гнезда – бежит [125]

Чуть дом затихнет – ангел мой [126]
Стоящий в центре пятака [127]
Распрявленной осени спина [128]
Вот они острые яблоки [129]
РОКОКО [130]
Читай стихи мои, из немоты [131]
Мне нравится, как дышит в ней земля... [132]
С ДРУГОЙ СТОРОНЫ СЮЖЕТА [133]
Вот холодает – ангелы, как снег... [134]
Что останется в этом лесу... [135]
ОКОНЧАНИЕ ЭЛЕГИИ [136]
ТРИ ЗАВЕРШЕНИЯ ШЕСТИСТИШИЯ [137]
В срез неба заглянул – а там колодец... [138]
Голову ангела в вёдрах несущ... [139]
Что ж счастье есть в домах, где кровотоки... [140]
Печален облик из окна... [141]
РИЗОГРАФ [142]
метафизический свой сад... [143]
Θεογονία [144]
ТЫДЫМ [145]
МОЛИТВА [146]
ТЫДЫМСКИЙ НОЙ [147]
Я научил ад говорить, собой... [148]
ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТИЕ [150]

Литературно-художественное издание

**александр петрушкин
ОТИДО
черновики
2011-июль 2013**

Макет подготовлен издательской группой
евразийского журнального портала «Мегалит»
и отпечатан в ООО «Издательство Марины Волковой».

Челябинск, ул. Марченко, 7-в.

Заказ №875 , подписано в печать 5 декабря 2013 г.

Формат издания 79х90 1/16. Шрифт Corbel.

Усл. печ.л 4.1

Тираж 500 экз.

2013